

СОЛДАТСКИЕ СТИХИ XVIII ВЕКА

Публикация Г. Гуковского

Несмотря на усилия ряда исследователей и публикаторов, мы все еще очень мало знаем литературу, которую творили в XVIII столетии социальные «низы», мало знаем о том, что составляло литературную жизнь крестьянина, солдата, посадского человека этой эпохи. Полагая, что обследование каждого участка этой недостаточно еще изученной области может представить интерес, я предлагаю вниманию читателей два стихотворения, возникших в солдатской среде в последней трети XVIII в. Я предпосылаю тексту стихотворений общую историческую часть комментария, в задачу которой входит кратко обрисовать тот фон, на котором могут быть полноценнее восприняты комментируемые произведения.

Затем, вслед за текстом самих стихотворений, я предлагаю читателю комментарий более частного характера, относящийся к условиям возникновения произведений, к их автору и к самому тексту их.

I

В конце XVIII в. и во Франции, и у нас в России большой известностью пользовалась сентиментальная драма Мерсье «Дезертир» (поставлена впервые в Париже в 1782 г.). Об этой-то драме писал П. А. Плавильщиков, один из корифеев буржуазной драматургии в России, отстаивавший необходимость «национальных» тем для театра: «Хвалят французскую драму Беглеца; но в России бегал ли когда-нибудь солдат из армии?—Не знаю.—А чтобы офицер убежал? О том, как стоит Россия, до ныне еще не слыхано: следовательно драма Беглец со всею своею красотою ничего нам не скажет, как только то, что во Франции бывают беглецы»¹.

Русский писатель в конце XVIII в. печатно спрашивал: случилось ли когда-нибудь, чтобы из русской армии дезертировал солдат? Вопрос Плавильщикова имеет риторический характер; он заранее отрицает постыдную мысль о дезертирстве в армии Румянцева и Потемкина. Тем не менее, изучив оборотную сторону жизни армии во второй половине XVIII в., мы должны ответить на этот вопрос не так, как предполагал Плавильщиков.

В 1802 г. граф С. Р. Воронцов составил записку о русском войске, содержание которой он хотел довести до сведения правительства, причем материал его наблюдений охватывает ряд последних десятилетий XVIII века.

Между прочим он писал: «Бесчеловечное обращение с несчастными солдатами вызвало среди них дезертирство,—явление до тех пор (т. е. до царствования Екатерины)² неизвестное в Русской армии. Я видел ты-

сячи наших храбрых соотечественников на службе в прусской и австрийской армиях, а люди, бывшие в Швеции, заверяют меня, что они видели более 2000 русских на службе в Шведской армии в Стокгольме и Готенбурге»³.

О массовых побегах русских солдат к туркам говорит и генерал-поручик С. М. Ржевский в записке под названием «Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и нелестно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках»⁴. О дезертирстве в русской армии говорит и Ланжерон в записке, посвященной характеристике русской армии в конце царствования Екатерины II⁵. Дезертирство составляло одно из основных «зол» в русской армии XVIII в., в частности в южной, Потемкинской, армии в конце столетия⁶. О том же говорят и документы. Ряд «дел» XVIII в., хранящихся в симферопольском историческом архиве, свидетельствуют, насколько систематически бежали русские солдаты из отрядов, расположенных в Крыму в последней четверти столетия⁷.

Самый факт усиленного дезертирства среди солдат Екатерининской армии явственно свидетельствует как о мучительности солдатского существования, так и о развале армии как системы, как организма. Современники в один голос говорят о вопиющих порядках в армии. В особенности сильное возмущение и тревогу вызывает армия с конца 70-х годов, когда наиболее значительной частью ее, расположенной на самом ответственном участке, на юге, по соседству с Турцией и вблизи Польши всё более овладевает Потемкин. На признании факта развала, разложения армии сходятся и генерал-поручик Ржевский, и английский посланник Гаррис⁸, и (по словам того же Гарриса) Орлов; М. А. Гарновский, креатура Потемкина, в апреле 1787 г. писал: «Говорят в городе и при дворе еще следующее: графы Задунайской (т. е. Румянцов.—Гр. Г.) и Аньгальт приносили ее императорскому величеству жалобу на худое состояние российских войск, от небрежения его светлости в упадок пришедших»; его светлость—это Потемкин, патрон Гарновского⁹.

Центральной фигурой в жизни войска, главой и хозяином не только подчиненного ему полка, но и всех составляющих его людей был в екатерининские времена полковник, командир полка. Писавшие об армии этой эпохи в один голос говорят о том, что неумеренная власть полковника составляет одну из основ бедствий армии. Записка генерал-поручика Ржевского по существу и посвящена выяснению этого вопроса (это отразилось и в ее названии); он пишет: «Неограниченность во власти, которую полковники себе присвоили к существенному вреду, состоит между прочим в следующем: употребление людей полковых к себе в лакеи, камердинеры, дворецкие и прочие; а сему примеру и все полковые офицеры приятно следуют, уверены будучи, что полковник не может строго за то взыскать...

Наглое похищение полковых денег и натяжка беззакония в подделке расходных статей в книгах, которые документально подписывать все офицеры принуждены под лишением милости господина полковника или и совсем под потерянном месте в полку» и т. д. и т. д. (указ. соч.).

О том же пишет и С. Р. Воронцов в своей записке 1802 г. «Русские полковники являются поставщиками своих полков, и никакая монополия не кажется им незаконной», пишет путешественник, посетивший Россию в 1788—1789 гг.¹⁰

О власти полковников говорит и Генрих Реймерс, описавший армию в конце царствования Екатерины¹¹. По его словам, армия в это время находилась в самом плачевном состоянии; командир полка, безграничный его хозяин, «отбирал по 20 и 25 человек с каждой роты для своих личных надобностей в своих поместьях; или же отдавал их в услужение частным лицам, а заработки их, точно по праву, удерживал за собою. Эти несчастные, спустя несколько времени, сменялись другими солдатами из тех же рот; но по возвращении своем они уже не годились во фронт, будучи оборваны и огрубев, как мужики».

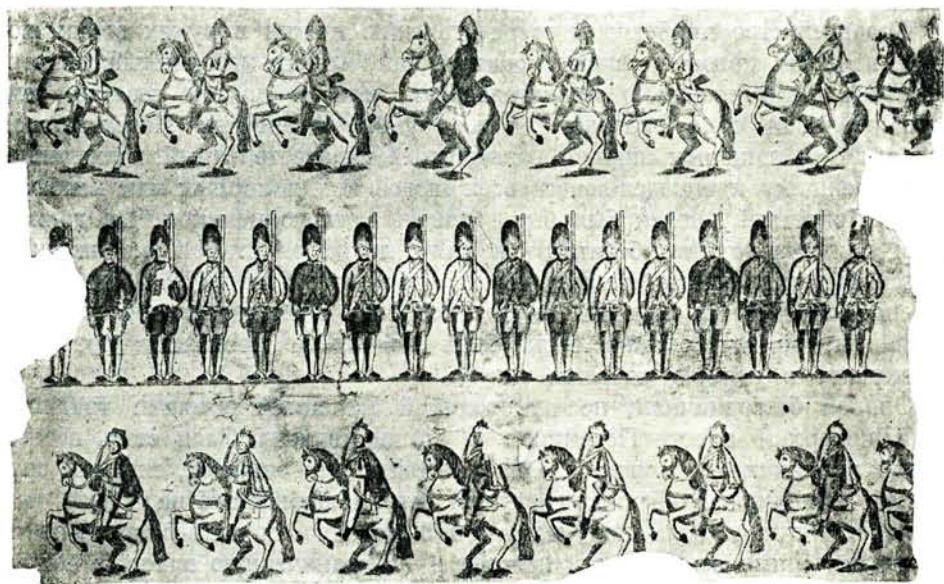
Множество солдат бывало используемо «в так называемом казначействе, т. е. в большой мастерской, находившейся в ведении полковника... Этою мастерскою полковник злоупотреблял в чудовищном размере. В мастерской собирались все те солдаты, которые в прежнем состоянии занимались каким-либо ремеслом... Таким образом возникала фабрика, в которой постоянно работало иногда более ста человек. Изделия такой фабрики выходили иногда превосходные, а жившие в околотке обыватели могли заказывать себе тут всякого рода предметы: кареты, сани и т. д. Понятно, что полковник продавал все эти изделия в свою пользу, не оставляя мастерам ни гроша; бедные люди должны были благодарить бога, если у них не оттягивали той малости, которая давалась им от казны... Полковники держали у себя для удовольствия до сотни человек музыкантов и певцов, зачисленных в роты». В результате в строю оставалась половина номинального числа солдат.

«Командир полка, считая солдат за свою собственность, с тем большим правом удерживал за собою большую часть того, что отпускалось на содержание и обмундировку солдат».

Система грабежа и злоупотреблений неизбежно распространялась от полковника вниз, на все звенья армейской организации. Полковники, деяния которых проходили на глазах у подчиненных им офицеров, которые должны были получить санкцию высшего офицерства полка на свои финансовые отчеты, принуждены были воздействовать на офицеров как грозой своей власти, так и потаканием офицерским злоупотреблениям. Приходилось делиться с низшими, чтобы жить с ними в ладу, приходилось давать наживаться и им. «Таким образом каждый ротный командир,—пишет Реймерс,—распоряжался бесплатно таким числом мастеровых из роты, какое ему было нужно; а как многие из капитанов непрочь были от наживы, то солдат конечно не жалели. Деньги и провиант, назначенные для солдат от казны, офицеры брали себе, а солдат употребляли, как хотели». Полковое начальство держало лошадей впятеро меньше, чем полагалось, а деньги, отпускаемые на остальных, брало себе. «Офицеры обделяли солдат провиантом». Понятно, что солдаты принуждены были грабить население как на постое, так и в походе. Последней жертвой экономической организации полка оказывался российский крестьянин или посадский человек. Недаром пребывание войск в какой-нибудь местности считалось для нее великим бедствием.

Примерно то же, что Реймерс, сообщает Ланжерон о хозяйственной организации армии в конце екатерининской эпохи, о всеобщем воровстве, о полковом «казначействе», которое занято «постройкою и починкою полкового обоза, церкви, палаток и пр., еще более постройкою повозок, экипажей, изготовлением мебели и разных дорогих безделушек для пол-

кового командира» и т. д., о том, что «генералы берут к себе из полков своих бригад писарей, сержантов, гусаров, слуг и никогда не возвращают...; офицеры и в особенности полковые командиры», берут «для своей службы столько солдат, сколько пожелают, на своих конюшнях, кухнях и в своих прихожих»¹², о необходимости для солдат грабить. Также и цитированный уже выше путешественник пишет, имея в виду вообще необычайно скудное содержание русского солдата, что все устройство власти и армии заставляет солдата притеснять крестьянина— «так как деспот, желая иметь многочисленную армию при малых затратах на нее, плохо платит человеку, которого он оторвал от плуга, чтобы сделать из него солдата»¹³.

РУССКОЕ ВОЙСКО В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Лубок XVIII века

Исторический Музей, Москва

Целая хозяйственно-организационная система полков как аппаратов эксплуатации и наживы выросла и оформилась в русской армии к 70—80-м годам XVIII столетия, но отдельные тенденции в этом направлении намечаются гораздо ранее. Однако пока у власти стояла неофеодалная аристократическая верхушка дворянства, идеологами которой в области военно-административной работы являлись деятели типа Румянцева и Петра Панина, эти тенденции не могли развернуться сколько-нибудь полно.

Крушение комиссии Нового Уложения было одним из первых внешних признаков поражения партии помещиков-фрондеров, крепостников-«либералов»; пугачевщина уже с максимальной остротой поставила перед правительством вопрос об изменении внутренней политики. Его основной опорой становятся теперь дворянские «низы», среднепоместные и даже мелкопоместные крепостники, выдвинувшие как свое руководство верхушку крупных земельных магнатов, дельцов широких масштабов, по-

степенно подчиняющих себе весь правительственный аппарат и зажимающих сложной полицейской машиной все стремления российской аристократии к независимости.

На гребне новой волны был поднят Потемкин. Он стал выше всех на правительственной лестнице. Он наиболее полно воплотил тип нового властителя, человека без государственных традиций, отчетливо противопоставившего концепциям и схемам своих неприятелей свой личный произвол, не желающий считаться ни с какими концепциями и схемами. Вместо иерархии традиционных и отвлеченных ценностей он предложил в качестве правительственного принципа—человека, единичного человека, с личным характером, капризами, причудами, «гениальными» (таково было задание, не выполненное им) проектами, мгновенными безотчетными решениями и т. д.

Правительство прибегло к сосредоточению власти в руках своих людей, верность которых гарантировалась тем, что их материальное благополучие было жаловано правительством, или, в другом смысле, тем, что реальная сила оказалась в их руках. Атрибутом Потемкинской власти был шпионаж, широко развернутый и разветвленный, восходящий к временщику и определяющий всех людей как покорных или непокорных. Покорный должен был быть куплен властью целиком. Он должен был получить от нее богатство и силу; тогда он станет окончательно бессловесным исполнителем. В то же время ему должна быть предоставлена возможность сломить внутреннее сопротивление в пределах его команды. Армия должна была быть подчинена произволу правящей верхушки в первую очередь.

Опорой безграничной, не руководимой никакими нормами традиции или иерархии власти Потемкина в армии должны были стать верные люди в полках—полковники. Они сделались чиновниками, слепыми орудиями в полицейско-бюрократической сети, наброшенной на армию, как и на всю страну. Они получили—это было залогом их верности—почти неограниченные возможности наживы и неограниченную власть в полку. Так выковывалась новая организационная структура армии, выковывалась не столько законоположениями, сколько каждодневной, последовательной практикой военных властей, руководимых вице-президентом военной коллегии Потемкиным (с 1774 г.; президентом он стал лишь через 10 лет, с 1784 г., но правил армией с середины 70-х годов). Армия Потемкина создала кадры офицеров-чиновников, подчиненных подхалимской зависимости от «милостивца». Власть схемы, сословия, рода заменилась властью деспота. Сила патриархальных помещиков уступила в армии силе земельных и уже не только земельных магнатов. Если первые не уступали добром, их заставляли уступить.

Полковник стал хозяином полка, как Потемкин—хозяином армии; именно—личным хозяином, как плантатор является хозяином своих рабов; полк не столько повиновался командиру, сколько принадлежал своему барину. Отсюда—произвол, разврат власти, составлявший не случайное последствие, а существо ее; отсюда же чудовищные формы эксплуатации солдата как рабочей силы. Хозяин не преминул использовать свое положение в своих выгодах. Пример показывал сам Потемкин; за ним шли его приближенные и доверенные люди; за ними тянулись другие. Злоупотребления самого Потемкина общеизвестны. Известно, как он смешивал государственную военную казну со своим личным кошельком, как он мас-

сами брал солдат на работы—и государственные, и свои собственные. Не было границ беззастенчивому грабежу казны и издевательствам над солдатами, которых он открыто превращал в своих рабов. А. Т. Болотов пишет: «Всем известно, что во время обладавшего всем князя Потемкина за несколько лет был у нас один рекрутский набор с женами рекрутскими, и что весь он был как им, так креатурами и любимцами его разворован, и женатые сии рекруты, вместо поселения в Крыму, поселены в деревнях княжеских и других господ, тогда великую власть имевших»; в этом прибыльном предприятии, по словам Болотова, участвовал кроме самого Потемкина например его знаменитый секретарь В. С. Попов, населивший рекрутами «себе богатые деревни»¹⁴.

В результате таких порядков и примеров в армии развилась невиданная форма рабовладения и рабского труда, о которой с таким возмущением говорили некоторые современники. Полк превращается в своего рода колонию для командира. Он устраивает в нем мастерские, целые фабрики; он ставит солдат на работу по сельскому хозяйству. При этом весь продукт целиком принадлежит ему, хозяину. Он не должен оставлять рабочему даже скудную часть, необходимую для поддержания его жизни, потому что рабочего содержит казна. В распоряжении полковника на этих условиях, недостижимых ни для обычного рабовладельца, ни для обычного капиталиста-фабриканта, находятся сотни людей. На тех же условиях хозяин полка может обставить себя слугами, музыкантами, псарями,—также совершенно без затрат на содержание всей этой челяди. Всего этого мало; командир хочет захватить себе более или менее значительную часть того, что казна отпускает его рабу,—он может это сделать и, следовательно, делает. И этого мало; тот же Болотов передает «Анекдот о Фалееве»: «Многие за верное сказывали, что сей славный бывший любимец и во всех таких наживах сотоварищ князя Потемкина до того даже, в тогдашнее время, простирал свою власть и могущество, что землю в деревнях своих пахивал плугами на рекрутах. Некогда случилось, что был скотский падеж в тамошних пределах, и все волю у него передохли, на которых он пахивал землю, и как пахать было не на чем, то сказывают запрягаемо было вдруг человек по 16 рекрутов, и они принуждены были тащить плуг и пахать сим образом землю. Не удивительно ли сие, когда в состоянии он был красть целыми сотнями или паче тысячами рекрут себе и населять ими деревни?!»¹⁵

Естественно, что ни длина рабочего дня на своеобразной феодальной фабрике, которую организует хозяин солдата, не измерялась чем-либо, кроме прихоти хозяина, ни условия труда не определялись чем-либо иным. Ко всему этому—суровая дисциплина, поддержанная военной палочной системой. Солдат превращался в руках хозяина-офицера в вещь. Его ставили на такую работу, какая заблагорассудится хозяину, и он должен был сделать ее—хоть умри. Тратить время и рабочие руки на регулярное обучение солдата ремеслу вовсе не было выгодно для хозяина¹⁶.

Используя своих рабов-солдат как рабочую силу, командир-хозяин тем не менее вовсе не хотел разбрасывать их, терять. Он готов был загубить солдата на работе, заморить его голодом, пользуясь его пайком, заморить его в госпитале, пользуясь его усиленным пайком, но терять его без всякой пользы было для него невыгодно, особенно если дело шло о солдате-мастере или солдате-ловкаче, умеющем самостоятель-

но (хотя бы грабежом) достать себе пропитание. Тем более это было невыгодно, что пополнение «убылых» мест могло произойти не сразу. Отсюда нежелание полковников выдавать своих солдат суду, стремление прикрыть их преступления, в частности грабежи, неизбежные в системе экономики Потемкинской армии. Психология и практика полковника в этом отношении совпадали с психологией помещика, предпочитавшего высечь вора-крестьянина у себя на конюшне, чем лишиться рабочих рук, выдав его гражданскому суду для отправки в Сибирь.

Солдаты в Потемкинской армии грабят, солдаты строят дома, солдаты пахут землю, делают кареты, прислуживают в хозяйском доме. Армия разлагается изнутри. Одно из самых больших «зол» ее—массы нестроевых солдат. С этим злом борются, но преодолеть его невозможно, потому что оно обусловлено существом организационной тенденции военной власти. Нравы армии становятся нравами большого поместья, где все позволено богачу и вельможе-помещику. В ставке верховного начальства армии окончательно устанавливается невоинский быт, быт разгульной, не знающей удержку компании кутил. Потемкин и в этом отношении перешел все пределы. Целый придворный штат окружает его в армии; великолепные апартаменты возникают для него посреди пустыни; придворные, женщины, повара, обозы с нарядами, с винами, с съестными припасами, мастера всех искусств и ремесл, театр,—все это сопровождает его в походе; балы по столичному образцу, огромные пиршества окружают его даже тогда, когда в армии нехватка пропитания и одежды, когда война идет, когда войска тают от лишений, болезней, холода.

На солдатах наживались, как на покупаемом и перепродаваемом скоте. Иоахим Штернберг рассказывает, как «В Петербурге в Hôtel de Londres, где и я жил, один майор, проигравший деньги, продал трех солдат, и это сошло с рук»¹⁷. С самого начала службы солдата он попадал в руки жадных и безжалостных хозяев, управлявшихся с ним очень бесцеремонно. Ланжерон рассказывает, что из рекрутов едва половина доходит до полков: «Часть их умирает в пути от болезней, усталости, с горя и от дурного обращения. Другая часть просто-напросто крадется провожающими их офицерами, которые показывают их умершими в дороге и затем продают или отсылают в свои имения, если таковые у них имеются; наконец часть из числа прибывающих бракуется»¹⁸.

В том же духе действовали и другие командиры. Ланжерон пишет: «В 1794 г.... я видел в Смоленском драгунском полку, во время ученья пехотному строю, как по условленному знаку полкового командира, полковника Чичерина, музыка играла польский, а все солдаты танцовали его»¹⁹. Примерно о том же пишет и Реймерс.

Неудивительно, что рекрутчина наводила ужас на народ. Кроме отрыва множества солдат из строя для всяческих поручений и работ хозяйственного порядка бедствием армии XVIII в. были болезни солдат и солдатская смертность. И даже из этого бедствия в жизни войска командиры с успехом выжимали для себя выгоды.

В 1777 г. граф П. А. Румянцов в особой записке об армии писал: «Военная служба, по одной своей тяготе, не говоря о частых переменах климата и пищи, производит болезни чрезвычайные; следовательно, врачевание и содержание сих больных требует особых образов. Служившие в армиях медики должны признаться сами во многих недо-

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКОГО
ПОЛКУ МУШКАТЕР

Раскрашенная гравюра G. Geissler'a из
сборника „Изображение мундиров Россий-
ско-Императорского Войска, состоящих из
88 лиц илюминированных“ (1793 г.)

статках сей части»...²⁰ Знаменитый полководец выражался очень мягко, как и полагалось в официальной записке. На самом деле госпитальная часть была поставлена в армии издавна из рук вон плохо, и в потемкинские времена несколько не улучшилась, если не стала хуже — в смысле всеобщего разложения армии и всеобщей тенденции наживаться на всякой отрасли военной организации.

Низкий уровень, на котором стояла санитарная часть в армии, в значительной степени был обусловлен тем, что на этом деле наживались военные начальники и чиновники. Не только можно было класть в карман деньги за нормальное пропитание и медикаменты больных, предоставляя им питаться чем угодно и оставляя их без лечения, — можно было хорошо наживаться и на мертвых душах в госпиталях. Умершие солдаты числились в них больными, и на них шли деньги; отсюда вывод, что смертность в госпиталях была вполне выгодна для начальства. Нет сомнения в том, что все необходимое для того, чтобы эта выгодная отрасль полкового хозяйства приносила свои плоды, было сделано²¹. Недаром первое сражение в каждую кампанию бывало обыкновенно весьма кровопролитно (по официальным реляциям), и множество русских солдат, уже ранее уморенных в полку, официально погибало в них; об этой хитроумной уловке, покрывавшей и смертность солдат, и воровство людей офицерами, сообщает Ланжерон²². О провиантских грабежах я уже говорил.

Деятельность Потемкина в армии издавна была выхваляема официальными, полуофициальными и даже неофициальными историками за демократизм, за облегчение солдатчины, принесенное им, за смягчение

тяжелого режима в воинских частях. Едва ли можно сомневаться в малой достоверности всех этих качеств Потемкинского управления, в их общем историческом характере.

Потемкин-демократ, Потемкин, запрещающий бить (или слишком жестоко бить) солдат—это одна из многих легенд, оставленных официальной историей XVIII в. В самом деле: Потемкин демонстративно заявлял о своей «любви» к солдату, Потемкин не менее демонстративно выражал свое пренебрежение по отношению к дворянской иерархии, к знати, к свергнутым им лидерам и ставленникам «вольных и благородных» российских феодалов в армии. Последнее едва ли не было важнее всего. Он «унижал, пренебрегал знатных», пишет А. М. Тургенев, старый сплетник, прекрасно передающий в своих «записках» общий тон и настроения вскормившей его среды,—он «отворачивался от князя, графа, смотрел на них с презрением», но «любил солдат»...²³ Такое же соотношение идей дано и в памфлете на Потемкина, написанном вскоре после его смерти и изданном в 1809 г. под названием «Пансальвин, князь тьмы. Быль? Не быль? Однакож и не сказка». Автор (Альбрехт), захлебываясь ненавистью к Потемкину, изображая его губителем отечества, дворянства, захватчиком власти, пишет в то же время: «Один только был род человек, пользовавшийся его щедростью,—именно солдаты. Оным льстил он при каждой встрече; они были его кумир, и сам он вскоре сделался их кумиром. Однакож вообще относилось сие до рядовых солдат, нежели до высших чинов, в рассуждении коих расходы его должны б были увеличиться» (стр. 238). Цитат этого же рода можно было бы привести не мало. Вообще же во всех таких свидетельствах следует различать два отдельных момента. С одной стороны, речь в них идет об искании личной популярности со стороны Потемкина, искании не всегда безрезультатном, хотя представление о солдатах, обожающих доброго фельдмаршала, нельзя не признать конечно совершенно нелепым. Такое стремление к популярности понятно было именно у Потемкина, поскольку он должен был дать армии как закон свою личную индивидуальную волю, поскольку между ним как военачальником и солдатом как исполнителем его воли должны были установиться взаимоотношения не частей схемы, а взаимоотношения людей, хозяина и лично принадлежащих ему подданных, поскольку, наконец, он отверг поддержку значительной части помещичьего офицерства.

Иное дело например П. И. Панин, который не желал снисходить до солдата, которого спесь его места в иерархии сословий и воинских званий не допускала до человеческого отношения к солдату, который был суров, неприветлив и не был популярен, хотя не был жесток с солдатами и, без сомнения, более заботился о порядке в армии.

В поисках популярности Потемкин мог успевать иногда, несмотря на бесконечное отягощение солдат, потому что много жалоб на невыносимые злоупотребления, на режим вообще могло падать на голову его подчиненных; такова была вообще тактика многих из русских правителей—царей и их помощников—убеждать «народ» в том, что царь добр, но министры обманывают его.

С другой стороны, демонстрации любви к солдату при неблаговолении к его командирам-дворянам, кроме «верных» светлейшему, осуществляли конечно общую социально-политическую линию Потемкина: на ущемление претензий помещика-фрондера, на то, чтобы сбить с него спесь,

на полную ликвидацию его политических претензий, на систематическую нивелировку большинства населения пред лицом всевластной верхушки, обладающей полицейски-бюрократическим аппаратом. Ударом по тем, кто требовал власти на правах «знати», был солдатский «демократизм» Потемкина. Противопоставляя покорных солдат непокорным командирам, Потемкин демонстрировал идею равенства того и другого пред законом его деспотической воли. Эта демонстрация в меньшей степени облегчала солдата, чем отягощала крамольного офицера.

В числе «реформ» Потемкина в армии больше всего внимания, восхищения и прославления вызывала реформа одежды солдат, принятая сначала в подчиненной Потемкину кавалерии, а потом и в других войсках. Даже недоброжелатель Потемкинского режима Воронцов пишет: «Несомненно, что из сотни бесполезных новшеств, введенных князем Потемкиным, есть столь же полезная, сколь превосходная. Я имею в виду одежду, которую он дал в конце концов своим войскам, одежду, наилучшим образом рассчитанную для климата, так же как для опрятности, удобства и в особенности для здоровья солдата» (указ. соч.). В самом деле эта новая форма, без кос и пудры, более удобная и не так стесняющая солдата была своеобразным выражением отказа от идеи солдата-манекена, солдата-машины. Потемкинская эпоха в армии действительно выдвинула мысль об инициативе отдельного участника военного действия, о подвижности, легкости перемены расположения, быстроте, связанных с возможностями инициативы. Суворовские принципы разворачивались именно в практике южной, Потемкинской, армии, хотя Суворов не был идеологом Потемкинского режима в ней.

ФЛОТСКИХ БАТАЛИОНОВ МУШКАТЕР
Раскрашенная гравюра G. Geissler'a из
сборника „Изображение мундиров Россий-
ско-Императорского Войска, состоящих из
88 лиц иллюминированных“ (1793 г.)

Что же касается остальных «забот» Потемкина о солдате, то они имели в достаточной мере теоретический характер. Потемкину ставили в заслугу его старание ввести режим армии в строгие рамки законности; так, он запрещал командирам отвлекать солдат на частные работы. Мы видели уже, какова была цена такого запрещения. Оно звучит почти насмешкой. Весь смысл Потемкинской организации армии, вся историческая сущность его деятельности работали против такого запрета, делали его пустой бумажной отпиской, не способной повлиять на жизненные факты. То же самое следует сказать и о других «мероприятиях» Потемкина: о его заботах по части правильного снабжения солдат пищею, о требовании соблюдения санитарных правил, об учреждении инспекторского контроля²⁴. Все эти меры оставались бюрократическими бумажными мерами. Жизнь проходила мимо них. То же конечно и в вопросе о пресловутой «человечности» Потемкина (странно звучит эта «человечность» в применении к одному из самых бесцеремонных политических деятелей этой вообще жестокой эпохи); бесконечно повторяется с давних времен рассказ о том, что Потемкин не велел бить солдат, или не велел жестоко бить их. Само по себе такое распоряжение Потемкина конечно весьма примечательно. Но реальное значение его было едва ли велико; оно опять явно не могло быть осуществлено в данной системе армии. Бить солдат безусловно продолжали. Если же иногда солдата и били меньше, то вся система его эксплуатации и тягот, наваленных на него, не дает нам права говорить о том, что жребий его полегчал.

Беда была в том, что реформы Потемкина имели верхушечный, половинчатый характер. Переводя армию на новые рельсы, он менял у нее только хозяев. «Демократизм», индивидуализм как идеи и принципы действия только лишь скользнули по поверхности старой организации; новые начала, не разрушив старых крепостнических основ армии, только лишь разложили и без того устаревшую, дряхлевшую военную организацию.

Давая выше кое-какие черты, характеризующие разложение начальствующего аппарата армии в последней трети XVIII в., я конечно вовсе не имел в виду, что все офицеры грабили солдат, что все командиры полков эксплуатировали их, и т. д. Без сомнения, были и честные офицеры, командиры полков, генералы. Солдатам жилось под их начальством лучше. Но мне хотелось уловить характерные явления эпохи и в то же время найти материал фактов, комментирующих стихотворения, печатаемые ниже.

II

Перехожу непосредственно к самим этим стихотворениям. Они возникли в Потемкинской армии в первую пору власти Потемкина, когда только еще строился его режим в войсках, ему подвластных. То, что они возникли в Крыму,—тоже не случайно. Именно здесь, на юге, более всего сказывалось влияние Потемкинской власти в армии; кроме того отдаленность Крыма от центра, особенности положения военных частей в разоренной стране, оторванность крымского отряда армии от командования не могли не создать особо благоприятной почвы для жесточайших злоупотреблений и разложения этого отряда.

Первое из комментируемых стихотворений известно мне в пяти списках. Не буду останавливаться на сложных взаимоотношениях текстов

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
ПОЛКУ ОФИЦЕР ГРЕНАДЕРСКИХ РОТ
Раскрашенная гравюра Г. Geissler'a из
сборника „Изображение мундиров Россий-
ско-Императорского Войска, состоящих из
88 лиц илиюминированных“ (1793 г.)

этих списков, на их взаимной близости или расхождении, на возможности сведения их к меньшему числу исходных для них вариантов текста. Достаточно будет привести текст пьесы по одному из наиболее удачных, исправных списков, каким должен быть признан список, имеющийся в сборнике конца XVIII в., хранящемся в Рукописном отделении Публичной Библиотеки в Ленинграде (шифр: Q, XVII—183 т. I, л. 124—126). Составление сборника относится очевидно к началу 80-х годов, во всяком случае не позднее этого времени (1780—1782 гг.). Многие документы, списанные в нем, относятся именно к 1780—1781 гг. Кроме того в нем списаны между прочим сатира Капниста, напечатанная впервые в 1780 г., «Мельник» Аблесимова, представленный впервые в 1779 г. и напечатанный в 1782 г., «Утренники короля Прусского», книжка вышедшая тоже в 1782 г.; с другой стороны, в начале сборника помещен документ, относящийся к 1783 г., но повидимому он приписан после составления его.

Другие тексты стихотворения следующие: А.—Сборник Публичной Библиотеки (шифр F, XVII, № 80, л. 79 об.—80 об.); Б.—Сборник Публичной Библиотеки (шифр Q, XVII, № 235, л. 16—18), относящийся повидимому к концу XVIII века, но не ранее 1784 гг. (однако скорей всего к 80-м годам); В.—Отдельный лист, хранящийся в архиве Института Русской Литературы Академии Наук (шифр 23408/CLXVII б. 5), повидимому XVIII в.; Г.—Сборник архива ИРЛИ Академии Наук «Книга, называемая когда что началось» (собрание «Русской Старины»), относящийся к 70—90-м годам XVIII в., стр. 70—72.

Название стихотворения разное: или «Челобитная к Богу от крымских солдат» (А.) или «Крымская челобитная» (Б.) или «Солдатская челобитная» (при этом наверху листа написано, как на копиях официальных бумаг, «копия») или «Челобитная» (в оглавл. «Челобитная крымских солдат» В.) или наконец «Его сиятельству графу фон Галченко» (основной текст; значение последнего заглавия не ясно; м. б. стихотворение задевало какого-нибудь Галченко, которому шуточно был придан титул графа и фон).

Вседержителю боже наш и вселенной творец,
Создатель всей твари и словесных овец,
Позволь, владыко, хвалу тебе воздать,
А на праотца Адама челобитную подать,
Внемли, владыко, приклони ухо твое ближе,
А о чем наше прошение, тому следует ниже.

«1-е»

Всемилостивый боже, Адам виной всему,
Не права и Ева, почто дала ему;
Ослабели они оба в той самой час,
И пала слабость их на всех нас;
Согрешили в том сии человеки,
Остался их грех всем потомкам навеки.

«2-е»

К сей

Адам в роскоши породил своих сынов
И в младости их не был к ним суров,
Не умел их учить и унимать
И допустил их друг друга убивать;
Размножились их завистные семена,
И зачалась от них во всем свете война.

«3-е»

челобитной

По Адаме мы стали страстны и завистны,
И потому и ближним своим ненавистны,
По Еве все вышли мы прелестны,
И в том тебе, господи, все дела наши известны;
Завистуем и друг у друга отнимаем,
Уж не по одному, по тьме братьев убиваем.

«4-е»

служба

Женою Адам был на грех прельщен,
За что он был адом поглощен,
Почто ж велел нам быть женам послушны,
И против их быть слабым и малодушным,
По желаньям их во всем им угождать,
И для них странствуя в трудах нам умирать.

«5-е»

солдаты

Адам чрез жену лишился приятного раю,
Чрез то ж лишены и многие отеческого краю;
За грех Адам лопатою землю рыл,
Для чего он нам и к вящему след открыл;
Имение отнимаем у ближнего насильно,
И за его ж доброе убиваем безвинно.

«6-е» *крымские*

От Адама зависть в народе вселилась
 И для убийства война вкоренилась;
 И тщеславия одного край света забегаем,
 Не щадя себя и жизнь свою теряем,
 А к поощрению избран у нас закон,
 Не знаем, при Адаме был каков он.

«7-е» *Драбанты*

Адам детей своих не равно породил,
 Так и потомков своих тем же наградил;
 Многим и к честолюбию дана зависть страстно,
 Много ж страждут безвинно и гибнут напрасно;
 В чужих странах погибши и оставивши свою,
 Ей, господи, забыли всю заповедь твою.

«8-е» *в Крыму*

Адам в паденьи сам трудно работал,
 Почто ж свои лопатки он нам отдал,
 По смерти своей во ад хоть и попался сам,
 А каинову злость и зависть оставил нам,
 До воскресения ж и сам рая не получил,
 А суете мирской он народ весь научил.

«9-е» *живучи*

Ныне же Адам и с Евою живет в раю,
 А нас оставил в проклятом крымском краю,

ФЛОТСКОЙ АРТИЛЕРИЙСКОЙ ОФИЦЕР
 Раскрашенная гравюра G. Geissler'a из
 сборника „Изображение мундиров Россий-
 ско-Императорского Войска, состоящих из
 88 лиц илюминированных“ (1793 г.)

Показав, как дрова рубить косами
 И собирать в поле навоз нашими руками;
 День и ночь кизяк на плечах носим,
 И в том тебя, господи, и на праотца просим.

«10-е» *труды*

Адам обращался наг всегда в трудах,
 Лишились и мы чрез то сапог и рубях,
 Обносились в Крыму, а купить денег нет,
 И так мучимся уже много лет;
 Трудно жить в Крыму, а снести не можно,
 Объявляем, господи, всю нужду нашу неложно.

«11-е» *несучи*

Адам трудился и служил только для одного бога,
 Для чего ж у нас явилось земных божков много
 И каждый принуждает себя кадить и почитать,
 Да не знаем, от кого нам милости ожидать;
 Мы всякому поем, хвалим и величаем,
 Только награды и заслужа не получаем.

«12-е» *о нужде*

Адам хотя наг ходил, да никогда не зяб,
 Почему он научил делать навоз и кизяк;
 Всему выпечисанному причиною Адам,
 Почто все страсти в наследство оставил нам;
 Сим, господи, просим на небо взирая,
 Ей, Адам достоин наказания, не рая *.

«13-е» *своей*

Всемиловитый боже, страсть и зависть истреби,
 Навек честолюбие с тщеславием погуби,
 Внуши добродетель с правдой в народы;
 Еще можем прослужить мы на некие годы,
 Нет достатка сил служить, божков земных много,
 Чрез них забываем тебя творца и бога.

«14-е» *тужили*

Избавь нас, владыка, от многочисленных божков,
 И исторгни нас от вредных и тяжелых оков,
 Защититель наш господь бог и спаситель,
 Прибежище и покров ты наш избавитель,
 Спаси от земных божков власти
 И не попусти в свирепство их впасти.

и руки

О боже, сие прошение наше милостиво вонми,
 А нас от Крыма проклятого в число людей приими,
 Где нет сил трудов больше сносить,
 Сим должны тебя творца бога со слезами просить:

* В тексте явная ошибка: «наказанием рая». Исправлено по тексту А.

Всемиловитый боже, от татар и чумы нас соблюди,
Повели дух взять в рай, а из Крыму изведи.

приложили

Холодного месяца,
Морозного числа,
Неурожая в Крыму денег, года ²⁵.

Место возникновения приведенного стихотворения указано в нем неоднократно; это—Крым. Оно написано от лица солдат частей русской армии, находившихся в Крыму. Для того чтобы установить, какого характера были эти части и где именно они могли находиться, необходимо определить хотя бы приблизительно время возникновения стихотворения.

Оно относится конечно ко времени не ранее середины XVIII в.; это устанавливается и его стилем, и характером списков, сохранивших его, и его содержанием. Содержание стихотворения позволяет датировать его еще точнее.

В екатерининское время в Крыму перебивали русские войска трех различных назначений; во-первых, части, вторгавшиеся в Крым неоднократно в порядке ли покорения полуострова или в порядке вооруженного вмешательства в его внутренние дела; во-вторых, отряды, составлявшие постоянный гарнизон крепостей Керчи и Еникала за все время существования «самостоятельного» Крымского ханства (повидимому введенные в эти крепости еще во время первой Турецкой войны); наконец оккупационные войска, оставшиеся в Крыму после «покорения» его в 1782 г.

Поэтический памятник, комментируемый мною, не мог возникнуть в последнем из указанных отрядов, т. е. в оккупационной армии. Напомню, что сборник Публичной Библиотеки Q, XVII—183, т. I, из которого извлечен основной напечатанный выше текст стихотворения, составлялся в начале 80-х годов, не позднее 1782—1783 гг. Если же принять во внимание, что в стихотворении говорится о бедствиях солдат, уже долго, «уже много лет» находящихся в Крыму, тогда как оккупационный корпус вошел в него лишь в 1782 г., то станет ясным, что не о нем идет речь в нашем памятнике. Добавлю, что в стихотворении, судя по всему смыслу его (в особенности в начале его), говорится о пребывании солдат во враждебной стране, а не в части, хотя бы отдаленной, Российской империи. Наконец предположение о том, что стихотворение все же возникло в оккупационной армии, но в самом начале ее пребывания в Крыму, а упоминание о «многих летах» относится к предыдущему вторжению тех же отрядов в Крым, помимо общей натянутости своей разбивается двумя соображениями: во-первых, в памятнике идет речь о войске на мирном, оседлом положении (хотя и во враждебной стране), а в предыдущем вторжении (1777—1779) русские войска в Крыму были не оседлым оккупационным корпусом или гарнизоном, а армией в походе; во-вторых, ясно само собой, что произведение такого типа не могло в 2—3 месяца добраться из Крыма в Россию без какого-нибудь особого случая, повидимому отсутствовавшего.

Следовательно стихотворение возникло до последней оккупации Крыма. Остаются две возможности: или оно возникло в частях русской армии, вторгавшихся в Крым в порядке войны (в 1777—1779 гг. или даже во

время первой Турецкой войны), или же оно возникло в частях русской армии, осевших в тех крепостях Крыма, которые отошли к России окончательно уже после первой его оккупации во время первой Турецкой войны и официально принадлежали России до самого «покорения» Крыма, т. е. в Керчи и Еникале.

Первое предположение должно отпасть по соображениям, косвенно использованным уже выше для отвода предположения о возникновении текста после 1782 г. Стихотворение по всему своему смыслу в целом, равно как и по ряду деталей, относится к военной части, живущей на мирном положении, хотя и во враждебной стране. Условия солдатского существования в походе, явно временные, меняющиеся, связанные с военными операциями, жизнь армейской части среди множества других частей, составляющих крупную по тем временам военную силу, — все это совершенно не вяжется с той картиной быта солдат заброшенной куда-то на край земли части, принужденных долгие годы работать в невыносимых условиях на чужой им работе, без надежды на изменение, которая отчетливо видна в изображении комментируемого стихотворения. Оно не возникло в походной обстановке. Кроме того ведь армия, вошедшая в Крым по праву войны, уж никак не мучится в нем «уже много лет»; она вообще не «живет в Крыму», а воюет в нем или оккупирует его; ей незачем говорить о возможности прослужить таким же образом еще «некие годы» и т. д.

Следовательно из двух указанных только что возможностей остается только одна: комментируемое стихотворение возникло в среде солдат, составлявших гарнизоны крепостей Керчи и Еникале, находящихся рядом (их отделяет лишь 13 километров) и даже подчиненных единому командованию.

Именно здесь, в окружении враждебной страны, на мирном основании жили, и жили в особо трудных условиях, русские солдаты, при этом жили в течение ряда лет, от 1774 до 1782 г., а может быть и ранее 1774 г., с самой оккупации Крыма в первую Турецкую войну (остальные части армии, занимавшей Крым во время этой войны, не жили в нем «много лет»). Скорей всего именно в конце 70-х годов и было написано интересующее нас стихотворение.

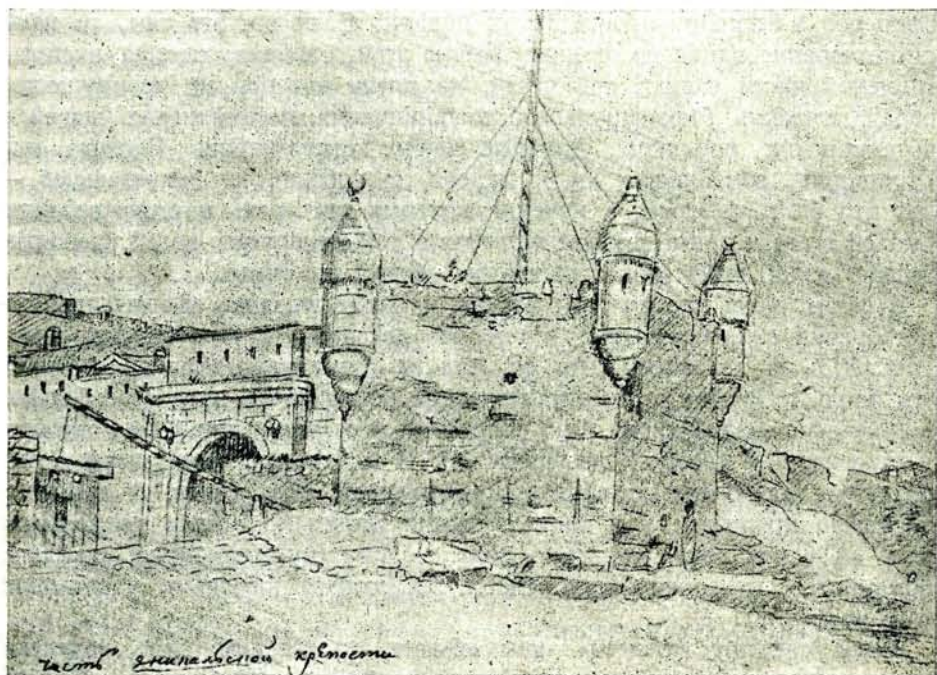
Крым вообще был разорен первой Турецкой войной; крепости же Керчь и Еникале были в середине 70-х годов совершеннейшей дырой. Все надо было заводить здесь заново и для жизни, и для оправдания наименования крепостей. С 1775 г. Керчь и Еникале стали усиленно застраивать; вернее, этого усиленно требовало высшее начальство. В то же время стали везти туда население. Здесь поместили эмигрировавших из Турции албанцев, греков и др.; из них составили и особую военную команду. Но жить новым поселенцам, как без сомнения и русскому военному отряду, было негде. Есть им тоже было нечего.

Неоднократно и подчеркнуто требует Потемкин от местного начальства, как от коменданта Керчи и Еникале, так и от Азовского губернатора Черткова, скорее устроить албанцев, везти провиант в новые крепости, построить в них дома, гостиный двор, госпиталь и магазины в Еникале. Так как дело движется медленно, он пишет, что для этого, «если бы по публикам вольных мастеров и работных людей, за настоящую плату, из проживающих в Азовской, Новороссийской и в других соседственных губерниях не отыскалось, в таком случае нарядить их подлежащее

число из гарнизонных батальонов, которых и препроводить немедленно к коменданту Керчи и Еникале»²⁶.

Понятно, что жизнь солдат, загнанных в Керчь и Еникале и работавших на каторге построек и оборудования этих крепостей, была еще тяжелее и еще более обременена трудом, чем жизнь солдат других частей армии.

Мы имеем возможность еще несколько уточнить условия возникновения комментируемого стихотворения. Прежде всего: какие части армии стояли в Керчи и Еникале? Не говоря об албанском отряде, не идущем в данном случае в счет, основу гарнизона крепостей составляли два

КРЕПОСТЬ В ЕНИКАЛЕ (КРЫМ) В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Рисунок Н. А. Львова

Институт Русской Литературы, Ленинград

пехотных полка. 18 января 1775 г. о двух пехотных полках и о полковнике Ступишине говорится в ордере князя Долгорукого-Крымского к Прозоровскому²⁷.

Из рапорта Прозоровского к Румянцову от 7 мая 1776 г. видно, что полки эти: Белевский и Тамбовский. Те же два полка названы и в Расписании войск под командою кн. Прозоровского от 8 сентября 1776 г.; но тут прибавлены еще два гарнизонных батальона (1-й Ростовский и 2-й Азовский), артиллерийская и инженерная команды, да еще команда Албанского войска; эти части вероятно тоже были в крепостях с самого начала²⁸.

Обер-комендантом обеих крепостей—и Керчи и Еникале—был генерал-майор Борзов (во всяком случае до 1781 г. включительно; 6 июня 1782 г. уже мы видим на посту «Еникальского обер-коменданта» ген.-майора Филисова²⁹.

Автором комментируемого стихотворения—ибо оно конечно принадлежит перу определенного индивидуального поэта—был, значит, грамотей из числа солдат или унтер-офицеров, составлявших отряд, находившийся под командой Борзова. Самая форма произведения исключает возможность «устного» творчества неграмотного человека. Особый интерес при выяснении среды, породившей стихотворение, вызывает определение солдат, скрепивших как бы своей подписью, по пунктам, прошение в небесную канцелярию. Драбантами⁸⁰ называли в казачьих войсках денщиков. Повидимому это же название перешло в полках южной армии, постоянно соприкасавшихся с казачьими полками, живших и воевавших бок о бок с казаками, и на солдат-денщиков и вообще на солдат, работавших на офицеров в регулярных армейских полках. Если все это так, то наше стихотворение написано от лица именно этой, наиболее жестоко эксплуатируемой части солдат, той части, на плечи которой по преимуществу падала тяжесть бесконтрольного хозяйничания потемкинских людей и потемкинских порядков. Даровые рабы какого-нибудь Борзова или Ступишина, заменявшие им и лакеев, и рабочих, и земледельцев, — вот кто были те люди, о мучении которых идет речь в стихотворении. Скорей всего и автор его принадлежал к той же группе людей, вероятно именно из-за своей «образованности» взятый из строя.

В самом деле: поэтическая манера и самое внешнее оформление стихотворения свидетельствуют о том, что автором его был человек читавший, и в то же время, что он был не чужд канцелярской учености его эпохи. Прежде всего стихотворение исполнено в виде своеобразной поэтической «челобитной». Оно полностью и со всеми деталями повторяет установленную формулу прошения XVIII в.: сначала идет титул и развернутое вступление с обязательной хвалой тому лицу, к которому обращено прошение, и с канцелярскими штампами вплоть до неизбежного «А о чем наше прошение, тому следуют (пункты) ниже», дословно повторяющегося в настоящих челобитных любого казенного учреждения того времени.

Затем следуют «пункты», как обычно, излагающие дело издалека, с историческим введением и с перечислением «отягощений». Пункты перенумерованы и, как полагается, скреплены идущей через всю нумерацию их подписью челобитчиков, развернутою подробным определением их официального звания. Скрепа составлена вполне «по форме»: «К сей челобитной служба (или служивые) солдаты, крымские драбанты, в Крыму живучи, труды несучи, о нужде своей тужили и руки приложили»; нехватает только самих фамилий. «Документ» заканчивается, как и следует, датой, приведенной в пародийной форме.

Самая формула стихотворной «челобитной» повидимому обладала значительной выразительностью; она хорошо выражала замысел автора плача. Показательно в этом смысле то обстоятельство, что эта же формула в упрощенном виде, с опущением ряда деталей, дана в «Плаче экономических крестьян», опубликованном в «Русском Архиве» 1875 г. (т. III, стр. 255—256. «Старинное острошловие. Прощение в небесную канцелярию»), потом еще раз в несколько отличном списке в том же «Русском Архиве» 1908 г. (публикация П. Юдина «Жалобы саратовских крестьян на земский суд», т. III, стр. 215—217) и наконец в списке, близком (но не сходном) к тексту «Русского Архива» 1875 г., опять

напечатанном А. Д. Седельниковым со статьей в журнале «Литература и марксизм» в 1931 г. (кн. IV, стр. 126—136)²¹. А. Д. Седельников, тщательно прокомментировавший «Плач экономических крестьян», относит его с большей степенью вероятности к самому началу XIX в. П. Юдин датировал его концом XVIII в.—после 1776—1778 гг. Может быть можно видеть в «прошении» экономических крестьян отклик «челобитной» крымских солдат.

Впрочем самая манера пародии на «прошение» была видимо старинной литературной формулой «низовой словесности», использованной солдатским поэтом именно как таковая.

Стилистический характер и самая стихотворная система солдатской челобитной обличают в ее авторе грамотея, не чуждого своеобразной литературной осведомленности; он не только владеет языком и стихом, но и обнаруживает произвольно состав своих литературных сведений. В его язык, в общем простой, реалистический, вплетены элементы церковного слога и слога канцелярски-официального. Автор видимо вкусил от культуры правящего класса через официальную бюрократическую машину, т. е. как жертва этой культуры, а не как ее соучастник или ученик. С другой стороны, ему привычны церковные формулы, слова, словесные ходы. Вообще говоря, ведь церковное чтение, связанное с годичным кругом культовых обрядов, или «партикулярное», едва ли не занимало одного из главных мест в культурном обиходе как сельского грамотея, так и посадского человека в XVIII в. Рукописная или печатная церковная книга, устная проповедь, сама церковная служба, также воспринимаемая на слух, предлагали ему разнообразные образцы художественного слова.

Рядом с официально-церковной литературой стояло множество легенд, церковных рассказов, апокрифов и т. п. На всей этой основе возникали крепкие языковые навыки серьезной, «важной», речи социальных низов, возникала и привычка использования библейской мифологии, образности, персонажей. Так и в нашем стихотворении использованы мотивы, связанные с образом Адама.

Как разговорно-шутливый слог, использующий реалистически простые, откровенные формы речи и составляющий как бы языковую основу произведения, так и стихотворный склад солдатской челобитной ведут нас к виршевой и лубочной традиции, бывшей светским дополнением «духовной» литературы, никак не менее влиятельным и распространенным. Стиховая форма и в частности рифма в свою очередь связывались в данной традиции и в солдатской челобитной с особыми, так сказать плеонастическими, словесными конструкциями, восполняющими меру стиха и дающими ему рифменные концовки.

Лубок, подпись под лубочной картинкой, написанная силлабическими стихами или даже рифмованной прозой (среди лубков попадаются и тексты дворянских поэтов, т. е. обычные силлаботонические стихи), без сомнения проникал широко в среду грамотных людей; хотя конечно нельзя думать, что вообще все лубки имели хождение в массе крестьянства или даже мещанства; не мало лубочных листов могло расходиться и в среде высших классов, тем более, что самый характер некоторых из них указывает на их прямое отношение к дворянскому искусству; это или подражания ему или же социально-репильные попытки применить его к пониманию групп «третьего сословия», тянувшихся за

«благородными». Однако ряд лубков повидимому действительно соответствует вкусам и запросам низовых посадских людей и может быть даже некоторых крестьян XVIII века.

Другая традиция, подготовившая возможность появления таких стихотворений, как солдатская челобитная,—это традиция вирш, разошедшаяся из очагов полупольской церковной и светской культуры XVII столетия.

Наконец немалую роль в создании нашего стихотворения могли сыграть фольклорные традиции.

Солдатская челобитная как художественное произведение суммирует опыт ряда литературных традиций, образовавших в значительной мере облик литературного бытия социальных «низов» XVIII в. В самом деле: рядом с церковной словесностью и с пережитками литературы московской Руси, рядом с традиционным фольклором сказок, бытовых или обрядовых песен и т. д. в XVIII в. вырастает повидимому в самой среде эксплуатируемой массы новая литература—проза повестей, анекдотов, бытовых сказок, поэзия плачей и сатир. Такая поэзия, не связанная с музыкой, не связана и с обрядом. Она бытует, скорей всего, в списке. Она создается под знаком острой современности и в связи с этим она лишена характера архаизма (былинно-песенного) как в отношении слога, так и в отношении стихового механизма. Бытовая тема сегодняшнего дня, трактованная в реалистическом тоне, отчетливая социально-идейная направленность, тенденциозность и в то же время своеобразие художественного метода определяют историческую значительность такого произведения, как солдатская челобитная. Оно осуществляет творческую волю и подлинное эстетическое сознание—вполне независимое—тех, на кого обрушивался крепостнический режим, потому что ведь неправильно было бы думать, будто «низы» в это время были лишены своих путей в искусстве или довольствовались упрощенческим повторением уроков современной литературы своих «хозяев».

В этом отношении солдатская челобитная стоит не совсем одиноко. Не говоря уже о том, что не мало аналогичных произведений, без сомнения существовавших и ходивших по рукам в XVIII в., может и должно быть еще открыто и исследовано наукой, мы имеем уже в печати такие например стихотворения, как известный «Плач холопов», или указанный уже выше «Плач экономических крестьян».

Автор солдатской челобитной начинает свое стихотворение библейскими мотивами. В этих библейских образах он воплотил мысль об извечности мирового зла. Чувство обреченности, окрашенное тонами некоего крестьянского квиетизма, проявляется уже с начала стихотворения.

Впрочем это чувство обреченности не мешает явственно проступить в нем ощущению злобы против неправедных властителей. Злоба эта не разрешена.

Не менее характерна идея аморальности войны и насилия, проведенная в челобитной. Самое происхождение войны опорощено поэтом. Современная война представлена в виде бессмысленного ряда убийств и грабежей. Она совершенно не нужна тем, мысли кого передает поэт. Она нужна «тщеславию» правящих, вернее всего, царицы. Она плод низких побуждений ее виновников, она безнравственна.

Так в осуждение войны, построенное в категориях морали, при том морали, связанной с требованиями всеобщего мира и добра, с мечтой

о кротком человечестве, вплетается новый элемент. Поэт отдает себе отчет в социальной структуре войны, ее хозяев и ее жертв.

Ноты социального протеста и сознания социального неравенства вообще вполне явственно звучат в стихотворении. О неравенстве говорится в ряде мест стихотворения. Сильное место, посвященное этой теме, находится например в «пункте» 11-м. Здесь речь идет об армейском начальстве потемкинских времен. Ср. также «пункты» 13, 14 и «пункт» 7-й. Весьма примечательно в стихотворении и отсутствие ненависти к врагам—неприятелям в войне—при наличии ненависти к врагам—

НАКАЗАНИЕ СОЛДАТА ПАЛКАМИ ВО ДВОРЕ КАЗАРМЫ

Зарисовка Г. Гейсслера времени пребывания его в России (1790—1798 гг.)

Раскрашенная гравюра из альбома „Strafen der Russen, dargestellt in Gemälden und Beschreibungen von G. Richter und C. G. H. Geissler“.

командирам: «Завистуем и друг у друга отнимаем, уж не по одному, а по тьме братьев убиваем», говорит автор. И то же в конце «пункта» 5-го.

Наверху ненавистной системы подавления стоит монархия, Екатерина Вторая, вдохновительница и хозяйка всего мучительства, по мнению автора челобитной. Солдатский поэт имеет в виду Екатерину в «пункте» 4-м: «Женою Адам был на грех прельщен, За что он был адом поглощен. По что ж велел нам быть же нам послушным... По желаниям их во всем им угождать. И для них странствуя в трудах нам умирать». Это ее «тщеславие» толкает людей на войну (ст. 39), чрез нее «лишены и многие отеческого краю» (ст. 32).

Система угнетения, выработавшаяся в русской армии к концу XVIII в., не могла не быть осознана русским солдатом в своем истинном социально-политическом облике; солдатская челобитная в этом смысле достаточно выразительна, в то же время в ней отразились и конкретные бытовые условия существования эксплуатируемого солдата Потемкинской армии, солдата-работника, из которого выколачивает доходы дворянин-офицер. Укажу «пункты» 9-й и 10-й, в которых говорится о казенных, а скорее частных трудах солдат, которые «дрова рубят косами», собирают день и ночь кизяк голыми руками и таскают его на собственных плечах, о нищете, мучениях солдат. Ср. также п. 13—14.

«Солдатская челобитная» не одинока. Примечателен тот факт, что мы располагаем еще одним произведением, связанным с нею теснейшим образом, дополняющим и как бы подкрепляющим ее.

В том же сборнике, в котором находится один из списков «Солдатской челобитной» (список, обозначенный выше буквой Г.), переписано длинное стихотворение—«Горестное сказание, минувшее и настоящее истязание воинских служителей и разного рода жителей, обитающих в уголке отдаленном, иноверными землями и морями окруженном»... и т. д.

Сборник, заключающий это стихотворение, хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук в составе архива «Русской Старины». Это—огромный том в 1162 страницы большого формата (кроме оглавления в 20 страниц). Полное название его таково: «Книга, называемая когда что попало, собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Волыни и Литве как бы сказать с не малыми хлопотами. 1792 года декабря 23 дня»... (далее край листа оторван). Сборник составлялся видимо с 70-х годов XVIII в. до 90-х. В нем есть не мало именно крымских материалов как сатирических, так и официального характера.

Привожу текст стихотворения (находящийся на стр. 259—264 сборника):

ГОРЕСТНОЕ СКАЗАНИЕ,

Минувшее и настоящее истязание
 Воинских служителей
 И разного рода жителей,
 Обитающих в уголке отдаленном,
 Иноверными землями и морями окруженном,
 Праведному законному суду вносимых бедных слезы,
 Поныне остались без всякой решимости и пользы,
 Не без стыда такую повесть утаить,
 Принуждено пред целым светом публично объявить,
 Видно нет надежды ожидать желаемого решения,
 Вознамерились отдать всему миру в рассмотрение,
 Пушай всяк выслушав справедливо судит,
 Кто из нас виноват будет;
 Вещь сию почитаем истине подобно,
 Все расскажем как было подробно,
 Только надобно прежде покушать,
 Не будет ли скучно слушать;
 О праведной здесь отец командир и почти владетель,

Не обитает в его душе ни малейшая добродетель,
Неутолимой на всех гонитель,
К лихоимству усердной рачитель,
Не мыслил больше ни о куме ни о рае,
Как о своем бездонном кармана крае.
От своих буйловиц * и коров в гошпиталь молоко доставлял,
И больных почти неволею употреблять заставлял,
Брал из казны денег 25 копеек за кружку,
Считал за робячу все то игрушку,
Но ** выздоравливающих неопечительно взирал,
А для большего себе прибытка в гошпиталь к себе здоровых
забирал.

Не сделался доволен и тем,
Зачал копать в поле хрен;
Хотя хрен руками солдацкими копал,
Для больных в виде подряда, в гошпитальную книгу попал;
Ценою по пяти рублей пуд,
Говорит моя вся польза тут;
Одним карманом казна не убудет,
На то место еще больше прибудет,
Ежедневно по утрам неусыпное попечение простирал,
Со всякой мелочи неупустительно пошлину сбирал;
О бутылках и о сахаре говорить нечева,
Приносили к нему еще с вечера;
Ни с какой вещи без ведома его
Нельзя продать золотника одного;
Безутешно всех гнал и мучил,
Истинно многим наскучил;
На установленные законы и последующие указы мало взирал,
Безвинно в холодной погреб офицеров запирали;
Милосердием на бедных совсем не внимал,
Имение и жизнь отнимал;
Всякую последнюю вещь вручил своей воли,
Не было никому ни в чем доли;
Несколько служивым людям была пощада,
И всякому авантажная отрада;
Отменною милостью награждал,
Из фонтала меркою воду раздавал;
Всех жребию отчаянности поработал,
Мужчин и женщин безденежно в работу обращал;
Не только одни его работы,
Но и посторонним были без заботы,
Одеждою и пищею никогда не наслаждались,
Чуть не с нищими сравнивались;
Бурьян и кизяк денно и ночью на плечах носили,
И на покупку того денег не испросили;
Не было возможности для лошадей накосить сенца,
Когда с утеснением в поле паслась овца;

* Конечно ошибочно вместо «буйволиц».

** «Но» — вероятно вместо «на».

Из ученых инженеров,
 Богатых купцов и храбрых офицеров
 Составленная в совет его свита,
 Лукавым лицемерством и шпионством набита;
 Отвсяду нестерпимость представляло плачевное горе,
 Отчаянно нудило бросаться в море;
 Не было никаких средств ко избавлению,
 Усердно приступили все к молению;
 Всевышней и милостивой творец,
 Пощади своих овец.
 Услышел начальный страждущих глас,
 Несколько облегчил нас;
 С реки Невы из числа смертных прилетал раувил *
 К пути спокойну двери растворил,
 Случаем нечаенно вдруг позвали
 К ответу барина в Петербург.
 Всяка была душа рада,
 Немалая возрасла всем отрада,
 Думали тогда, что он падет,
 Уж слава и гордость его минет;
 Некоторой протекшей здесь слух,
 Потревожил всех веселой дух;
 Всеянная между нами прежняя страсть,
 Праведно предвещала попрежнему в его руки впасть;
 О том многие и немало тужили,
 Однако спокойно служили;
 Внезапно пронесся слух про Петербург,
 Явился плотенный ангел вдруг;
 Законных прав нелицемерной хранитель
 Санкт Петербургской житель коллежской правитель;
 Всем радость несказанную предвещал,
 А других в Россию вывезть обещал;
 О прежней власти не велел думать,
 Он сюда сказал не будет;
 Будучи уверены и тем,
 Не думали ни о чем;
 Верить кажется больше кому,
 Как не ангелу тому;
 В чем все твердо положились,
 От гонения злобы будто забором заложились;
 В страхе и в упрямстве человек без жалости шкатулкой
 тряхнул
 И настоящий ему гнев скоро отпихнул;
 Пред престолом владычества представлен,
 И всякой его проступок отечеству прибытком прославлен;
 За что его персонально там благодарили,
 Сверх кавалерии на пять тысяч подарили.
 В сей час отбежали от него надлежащие прещении,
 Не упоает никогда быть за злобу во отмщении;

* Может быть вместо «Рафаил» (?)

ГРЕНАДИР АРМИИ ПЕШИЙ
Лубочная картинка XVIII века
Публичная Библиотека, Ленинград

Сей подарок в руки получил,
Заслуженные наказания в бездне безпамятство заключил;
И вздумал избавителя своего трудить,
Чтоб он постарался его на место прежнее определить,
Как скоро об оном доложил,
Тот час и определено, чтоб здесь жил;
Протек здесь о том достоверной слух,
Вострепетал гонимых дух;
Приездом к границе появился,
Бедных слезной поток пролился;
Наполнились стоном горы,
Взволновалось и море;
Предстал всем ужасной страх,
Возвеялся ветром прах;
Друг к другу говорили внемли,
Конечно будет тресение земли;
Одни только рыбы за него бога молят,
Что кроме его невода никто их не ловят;
И так нам ангелово предвещание сделалось ложно,
Впредь тому и верить не можно;
Правда, не надобно на него пенять,
Теперь он многими делами занят;
Когда со временем об нас припомнит,

Может быть и обещанное исполнит;
Ныне правду худо наблюдают,
Регламенты и указы презирают;
К исполнению законов и глаз своих не взводят,
Из целовальников в чин офицерской производят;
Теперь прошедшее окончали;
Настоящее говорить начали;
По прежнему власть уже здесь воцарилась,
Гонение, гордость и злоба вяще бывшей открылась;
Разгордившись разъезжает колесницей;
Называют сию окружность своей столицей;
Не думает ничего
И не смотрит ни на кого;
Без разбору всех ругает
И вышних от него чинов незнающим называет,
Во всем прежнем своенравно порядок восстановил,
И всех своих сообщников к должностям определил;
Всеял во всех свирепой страх,
Скоро дома беспомощных обратятся в прах;
Он кажется прежде милостивее был,
Только живых людей мышми травил;
А ныне никак собрал всю растащенную злобу от века,
Уже в состоянии и сам съесть человека;
Нет таких кашеев на примете,
Которые бы зазнали сему подобного в свете;
Саул царь ненасытно Давыда гнал и утомился,
А сей возвратившись от беды еще больше возгордился:
Отверз своевольства пространную дверь,
Рыкает как зверь;
Подобием герцога себя прославляет,
Ему псарней и конюшней осмой класс управляет;
За усердные того труды,
От себя не отпускает никуды;
Находится без исправления государственной службы,
Ни в чем не имеет нужды;
Изрядно за все отблагодарен,
Тридцать семь ступеней приходя чердаком награжден,
Вот в чем настоятельно можно приписать похвалу,
Как разумному черкасскому волю;
Он предположенными законами дисциплину весьма соблюдает,
По воинским уставам, предосторожностью хорошо поступает;
Не только каждая купеческая лавка и последней переулок
без стражи не оставлен,
Но и у фонтана караул приставлен;
Не пора ль уже перестать,
И не лучше ли в кротости замолчать;
Ведь больше словами только наскучим,
А свободу вряд ли получим;
Конечно высшего творца прогневали мы одни,
И осуждены здесь страдать на многие дни;
Некуды от сей нужды избежать,

Но надобно больше к молитве прилежать;
 Нельзя сего упросить нам одним,
 Лучше положимся на весь мир;
 Может быть праведно миром проговорят,
 Виноватого на теплые воды сослать;
 На что несумненно уповаем,
 И милостивой конфирмации ожидаем;
 Если и миром сего не решать и не упросить
 Принуждено будет жилище и службу бросить;
 Сие сказание
 Писал по общему приказанию;
 Объявить прозвища боюсь,
 И как меня зовут не скажусь;
 Плачевного года темного месица,
 Ноября шестого на десять числа,
 Вся команда в святцах не нашла,

в : с : i : в.

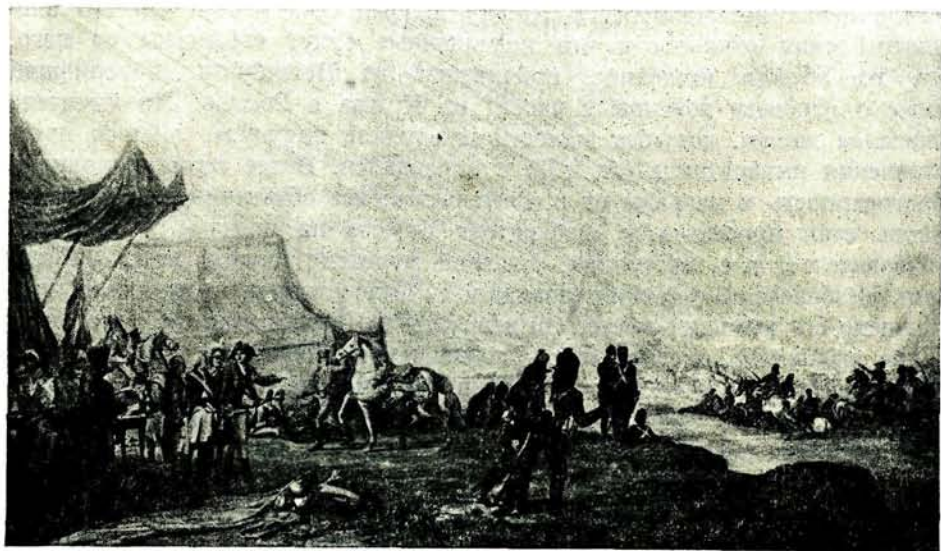
Стихотворение это описывает без сомнения реальный факт: историю опалы и восстановления в правах некоего военного командира, имевшего в Крыму власть, распространявшуюся и на гражданское население. Сколько-нибудь точно и с уверенностью указать, где и когда именно происходили соответствующие события, я в настоящее время не могу. Может быть стихотворение относится уже к периоду окончательной оккупации Крыма русскими войсками и «покорения» Крыма, т. е. написано после 1782 г. Однако едва ли не более вероятно будет отнести его к тому же месту и может быть к той же эпохе, что и «Солдатскую челобитную». Нисколько не настаивая на этом предположении и выставляя его только как предположение, я все же не могу не привести нескольких соображений, как будто бы наводящих на него. В «Горестном сказании» изображается ряд злоупотреблений, чинимых военным начальником какого-то пункта в Крыму; но тот же начальник усиленно притесняет и невоенное население, наживается на нем, словом, хозяйничает и в гражданской части. Такое совмещение власти естественнее всего предположить именно в крепостях, занятых частями русской армии, где власть целиком была сосредоточена в руках военного начальства, а не в городах покоренного Крыма, где имелся аппарат гражданской бюрократии. Затем—речь идет об «уголке отдаленном, иноверными землями и морями окруженном». Не говорю же о том, что Крым трудно назвать «уголком»; но ведь он, в целом, сам являясь «иноверной землей», никак уж не окружен ни землями вообще, ни «иноверными» в частности. Наоборот, кусок земли («уголок»), занятый крепостями Керчь и Еникале, именно и окружен как морями, так и «иноверными землями». Этот аргумент представляется мне если и мелочным и потому как бы крохоборческим, однако тем не менее существенным. Сюда же относится упоминание о том, что замученным начальником солдатам, а может быть и другим поселенцам обещали было их «в Россию вывезть» (ст. 96), т. е. здесь дается противопоставление России Крыму; на этом трудно настаивать, так как такое противопоставление могло сохраниться и после «присоединения» Крыма, но в стихотворении говорится также о «границе», на которой появился после восстановления в своих правах герой-мучитель, т. е. повидимому о границе между Крымским ханством

и русскими владениями на полуострове (а не о границе между Крымом и Россией вообще; таков смысл данного места «Горестного сказания» — стр. 121, однако если бы мы допустили и иное толкование этого места, т. е. истолковали бы упоминаемую в нем «границу» как границу между Новороссией и Крымом, дело бы не изменилось, так как важно вообще наличие границы, отсутствовавшей после присоединения Крыма к России). Еще одна деталь: в тексте «Сказания» упоминаются «ученые инженереры», наличие которых вполне объяснимо именно в строящейся и укрепляемой крепости, какими были Керчь и Еникале. Наконец некоторые результаты в данном смысле может дать сравнение «Горестного сказания» с «Солдатской челобитной». Не только есть совпадающие моменты, так сказать реалий, изображаемого в обоих стихотворениях, но у читателя не может не возникнуть мысль об единстве автора обоих стихотворений.

Общий характер обоих произведений явно сближает их. Близка и художественная манера их, и стиль, и общее настроение, и идейная основа. Автор «Горестного сказания» такой же грамотей из «низов», так же оперирующий библейскими мотивами (ст. 161 — о царе Сауле и Давиде), так же не чуждый канцелярских навыков³²; он не чужд и городских словечек вообще; у него мы найдем и «публично объявить», и «подобием герцога себя прославляет». Та же печальная ирония, что в «Челобитной», у автора «Горестного сказания» (см. например ст. 51—54). Так же, как автор «Солдатской челобитной», он пишет стихотворение — плач от лица всех своих товарищей по бедствию. Далее, может быть не случайны такие например совпадения: в ст. 21—22 рифмы рае/крае; аналогичные находим в «Челобитной» — Раю/Краю (ст. 31—32). В ст. 31 говорится о том, что утеснитель «хрен руками солдатскими копал», а в ст. 59—63 автор рассказывает: «Одеждою и пищею никогда не наслаждались, чуть не с нищими сравнялись; бурьян и кизяк денно и ночно на плечах носили и на покупку того денег не испросили»... В Челобитной тоже «День и ночь кизяк на плечах носили» (ст. 59) и в других местах — «Лишились и мы... сапог и рубах» (ст. 62), «Сбирать в поле навоз нашими руками» (ст. 58). В ст. 73—74 обращение к богу сходное с «Челобитной»; даже рифма творец/отец — та же. Наконец заключение «Сказания» вполне аналогично по типу с заключением «Челобитной», что в особенности показательно; в «Сказании» это заключение, собственно говоря, не совсем у места; ведь оно дает перефразировку даты, обязательной в конце официальной бумаги («Челобитная»), а «Горестное сказание» не имеет формы такой бумаги³³.

Таким образом можно, как кажется, высказать предположение о том, что оба стихотворения принадлежат перу одного неизвестного нам по имени поэта, находившегося в гарнизоне Керчи и Еникале в период между первой Турецкой войной и захватом Крыма. Иным объяснением близости двух стихотворений могло бы служить предположение о существовании целой группы стихотворцев в крымском отряде армии, творивших согласованно, в одном духе, или хотя бы двух таких стихотворцев. Такое предположение кажется мне мало вероятным хотя бы потому, что вообще-то грамотеи в солдатской среде были в то время очень и очень редки, а допустить, что именно здесь, в Крыму, случайно оказались соединенными два поэта, — явление без сомнения тем более

редкое,—думается, весьма трудно. Предположению о тождестве авторов обоих стихотворений нимало не противоречит некоторая разница в степени поэтической обработанности обоих текстов. «Челобитная» производит впечатление большей отделанности стиха и даже слога. Однако причина такого впечатления может быть в неисправности списка «Горестного сказания». К тому же в основу обоих стихотворений положены не совсем совпадающие жанровые замыслы; не совсем совпадает, в связи с этим, стихотворная система, а вместе с нею и стилистический строй вещи; с одной стороны,—это настоящее стихотворение («Челобитная»), с другой—своего рода раешник, стихи, сбивающиеся на рифмованную

ЛАГЕРЬ ПОТЕМКИНА

Акварель неизвестного художника (конца XVIII в.)

Русский Музей, Ленинград

прозу («Сказание»). Само же это различие способно лишь свидетельствовать о разнообразии художественных возможностей поэта, написавшего и «Челобитную», и «Сказание». Однако настаивать на мысли об единстве автора обоих стихотворений я не берусь.

Примечательно в «Сказании» как обращение автора к суду читателей в начале (ст. 12 и сл.), так и последние стихи, в которых он связывает свое произведение с волей и мыслью той группы людей, к которым он принадлежит (ст. 195—196). Повидимому он относился к своему творчеству, как к важному общественному делу, как к проявлению стремления целого слоя людей к правде и к облегчению своей участи.

В «Горестном сказании» поэт предаст гласности, имевшей конечно своеобразный подпольный характер, конкретные факты. Все они стоят в ряду тех явлений, о которых шла речь в первой части комментария. Самоуправство, дикие злоупотребления, ничем не ограниченная эксплуатация подчиненных—все это воплотилось в лице одного командира, бесконтрольно правящего и подведомственной ему армейской частью, и даже населением данной местности. «Горестное сказание» дает ряд

типических черт деятельности такого человека. Оно говорит о его корыстолюбии вообще, лихоимстве и тиранстве (ст. 19—22 и 105); о вопиющей эксплуатации госпиталя, превращавшей его в доходное предприятие (ст. 24—28), и ниже об эксплуатации солдатского труда (ст. 30—31 и 55—62 и сл.; здесь говорится и об эксплуатации труда женщин, вероятно солдатских жен); о грабеже, самоуправстве и поборах с населения (ст. 40—50 и 177—178); о грабительской наживе на армии (ст. 32—38; ст. 166—о псарне и конюшне героя стихотворения) и т. д. Полновластный негодяй окружен свитой приспешников—шпионов, офицеров, богатых купцов и инженеров (ст. 65—68).

Стихотворение излагает историю временного затмения власти мучителя. Его вызвали в Петербург. В Крыму прошел слух о том, что его злоупотребления открыты и что подчиненные будут избавлены от него. Это же обещал чиновник, приехавший из Петербурга, говоривший даже о переводе войсковых частей из Крыма в Россию. Но мучитель оказался живуч. Он «без жалости шкатулкой тряхнул», добился предствления императрице (ст. 107) и оправдался. Более того: он получил благодарность и награды от правительства; все обвинения отпали, и он вновь стал проситься у «избавителя своего» на прежнее место. Этот «избавитель», т. е. заступник, спасший мучителя, скорей всего—Потемкин. «Избавитель» доложил (повидимому императрице), и мучителю возвращено его выгодное место. Он вернулся в Крым и стал свирепствовать пуще прежнего, окончательно решившись не обращать внимания на законность (ст. 138—139) и окружив себя вполне зависимыми людьми, столь же рабски заинтересованными в нем, как он в «избавителе» (ст. 140—«из целовальников в чин офицерский производят»). Вывод, данный «Горестным сказанием», двойственный; он характерен для уклада сознания его автора. С одной стороны, он предлагает формулу терпения—«Некуда от сей нужды избежать, но надобно больше к молитве прилежать; нельзя сего упросить нам одним, лучше положимся на весь мир»... и т. д. (ст. 185 и сл.). С другой—он говорит, что в случае, если мучительства будут продолжаться, необходимо будет «жилище и службу бросать», т. е. дезертировать.

Автор «Горестного сказания» скрыл свое имя: «Объявить прозвище боюсь, как меня зовут не скажусь» (ст. 196—197). За такие стихи поэт мог поплатиться гораздо более тяжко, чем кто бы то ни было из либеральных или революционных поэтов XVIII и XIX вв. Мы не знаем его имени, не знали его и читатели его стихотворений, которых было не мало; пять указанных выше списков «Солдатской челобитной» свидетельствуют о широком распространении таких стихов; эти списки все, кроме одного, сохранены для нас не непосредственными представителями аудитории, которой они были адресованы; они были внесены в рукописные сборники в порядке курьеза или в порядке «запрещенной», подпольной литературы интеллигентами. Но до этих интеллигентов они доходили через «низы», и то обстоятельство, что стихи неоднократно доходили до них, доказывает их известность.

Солдатские стихи делали свое дело. В листочках, списанные грамотеями из «низов», они «носились в народе», как выражался Болотов, и кажется они имеют право на внимание историка не в меньшей степени, чем признанные произведения поэтов «высокой» литературы, имена которых вошли в словари Новикова и Евгения Волховитинова.

Приложение ³⁴.

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ

(Новый вариант)

Приводимое ниже по новому тексту стихотворение интересно как один из немногих уцелевших памятников солдатского творчества. Автором его был «Измаловского полку гренадер» Иван Макаров, выходец из Московской духовной академии. В одном из списков, которыми мы пользовались, имеется примечание, где сказано, что «за сие сочинение прогнан он сквозь строй и выписан в армейский полк». Приводим текст стихотворения:

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ,

сочиненная в большом городе, в каменных палатах почтенным человеком, которого
бьет всяк, Майя 1. 1803.

К читателям

Хоть читай иль не читай,
Философом не щитай,
Я солдат—не богослов
И не знаю красных слов.
Здесь пишу я не романы—
Сущу правду, не обманы.
Что глаз видит, ухо слышит,
То рука моя и пишет—
Хоть не складно,
По мне ладно.
А что худо я пишу,
Научить тебя прошу.
Коль умеешь—научи,
А не знаешь—так молчи.
Я покорнейший слуга,
Пред тобою как дуга,
А всегдашний ваш ревнитель
Сей поемы сочинитель.

О да

1

Дела славные я Трои
Воспевать здесь не хочу,
Мне не нужны и герои,
А пишу я, что хочу.
На Парнас взлесть не умею,
А пою, что разумею,
И Пегасы мне все чужды,
А узнайте наши нужды,
Что тревожат и крушат,
Нас безвременно сушат.

2

Я отечеству защита —
А спина моя избита,
Я отечеству ограда —
В тычках, палках—вся награда.

Кто солдата больше бьет,
Тот чины здесь достает.
И старателен, хорош,
Хоть на чорта он похож.
А коль бить кто не умеет —
Ничего не разумеет.

3

О, солдат! Ты горемыка,
Хуже лапотного лыка.
Твоей жизни хуже нет,
Про то знает и весь свет.
Тебя дуют, тебя бьют,
Так как полосу куют.
И собаку чтут дороже!
Палкой бьют тебя по роже,
Разбивают глаза, губы,
Не забудут тут и зубы.

4

Если ж мало, то дубинки...
О, солдатские вы спинки!
Вы родитесь к нещастью!
Заболят кости к ненастью
И головка закружится,
Если плюх пять-шесть случится.
Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.

5

В караул идешь—так горе,
А домой придешь—и вдвое.
В карауле нам мученье,
А как сменишься—ученье!..
В карауле жмут подтяжки,
На ученьи жди растяжки.
Стой прямее и тянись,
За тычками не гонись,
Оплеухи и пинки
Принимай так, как блинки.

6

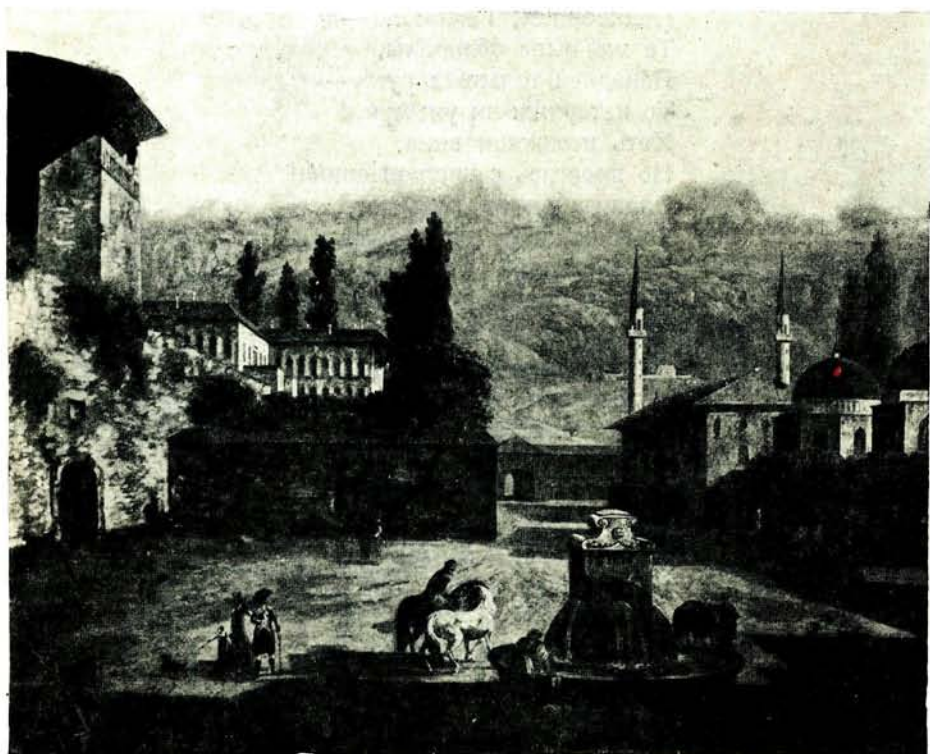
Есть несносно в свете время
Кто несет болезни бремя,
А несноснее тому
Коль не верят в том ему.
Хоть божится, уверяет,
Командир не доверяет,
Говорит: нет, ты ленишься,
Не поверю, хоть божишься...
О, солдат! Бедно создание,
Твое слабо оправданье.

7

Заболит когда солдат —
Бейся смело об заклад:
Не поверят в том ему
Хоть божись хочешь кому
И тяни хоть с неба бога!..
Говорят, что лени много
Выбить надо из него, —
Быть больному отчего?
Он не болен, а с похмелья,
Знаю я его безделья!

8

Коль наружной нету раны —
Говорят, что все обманы...
Разве дух из кого вон—
Скажут, что был болен он.
После смерти и жалеют,
Но помочь уж не умеют.
По кончине ублажают,
Кого прежде убивают,
Его службу почитают,
Прежде ж в людях не щитают.

ВИД БАХЧИСАРАЯ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Картина маслом Ф. Алексеева

Русский Музей, Ленинград

9

О, прекрасная весна,
Ты приятна и красна,
На тебя всяк веселится,
Когда вольным кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна.
Тут начнется всем ученье,
О, несносное мученье!
О, ученья глубина!
Про то знает лишь спина.

10

Коль здоровы будут палки,
Офицеры так, как галки,
Солдат мучают до смерти,
Точно душу в аде черти.
Кулаками по скулам
И палками по спинам.
А коль палочек не станет —
Тесаков на то достанет,
Эспантоны не гуляют —
Часто под бок прилетают.

11

Полковники, Генералы —
Те же ныне обдиралы,
Попадися только в руки —
То натерпишься уж муки!
Хоть неважная вина,
Но простишь с шкурой спина!
Оправданья не примают,
Только шкуру обдирают,
Говорят: стой и молчи,
Хоть и прав, да не ворчи.

12

Да уж ныне офицеры
Вознеслися выше меры:
Себя ставят за святых,
А солдат чтут за клятых.
Для того должно так быть,
Чтоб могли они их бить.
В том утеха и забава
И хорошая в том слава.
Какой славной командир
Скидает совсем мундир.

13

А коль просим их о деле,
То приди на той неделе,
А мне нынеча не время
Понести такое бремя,
А неделя коль придет,

То другую он найдет
И не будет им конца—
Ходи так как вкруг кольца...
О, солдатская ты участь,
Ты приводишь сердце в ужась.

14

А от каменных палат
Весь засох уже солдат,
Хоть с наружного-то вида,
Правда, жить бы не обида,
Но во внутренность взгляни —
Волчью песню и тяни:
Человек двадцать немножко
Бейсь у одного окошка,
Тут почистись, побелись,
Друг за дружкой и тянись.

15

В них дворянска стоит печка...
Живи смирно, как овечка,
Наблюдай всегдашню моду:
Не держи в покое воду,
Чтобы пол всегда был бел
И других не делай дел.
Коль захочешь помочиться—
Надо версту волочиться.
Раза два-три коль пройдешь—
То подметки избьешь.

16

А придет как воскресенье,
Говорят что от безделья
Ступай вымети весь двор,
Обмети кругом забор,
Везде б было чисто, гладко,
Идешь, правда, хоть не сладко.
А коль честью кто нейдет,
Дядя с буркою придет,
Раз пяток-другой натянет
Поневоле сердце вянет.

17

О, несносная неволя,
О, солдатская ты доля!
Можно всякому вздуриться,
В двадцать пять лет отслужиться.
Тот на свете вновь родится,
Кто от службы свободится.
Нет, никто не воображает,
Когда службу продолжает,
Не постигла чтоб кончина,
Не лилась солдатска чина.

18

Если ж жизнь кому продлится
И от службы свободится,
То бери в руки костыль,
Поди смело в монастырь.
В ногах, руках силы нет,
Опостылел белый свет.
Недостанет дневной пищи
И записывайся в нищи,
Не жди более отрады:
Только будет и награды.

19

Ослабеют в руках силы
И опустятся все жилы,
Ты не только работать—
Трудно с места будет встать.
Костыль в руки да кошель
По подоконью пошел.
Христа бога вспомяни,
А сам руку протяни,
Всех отцами называй
А не то не спи—зевай.

20

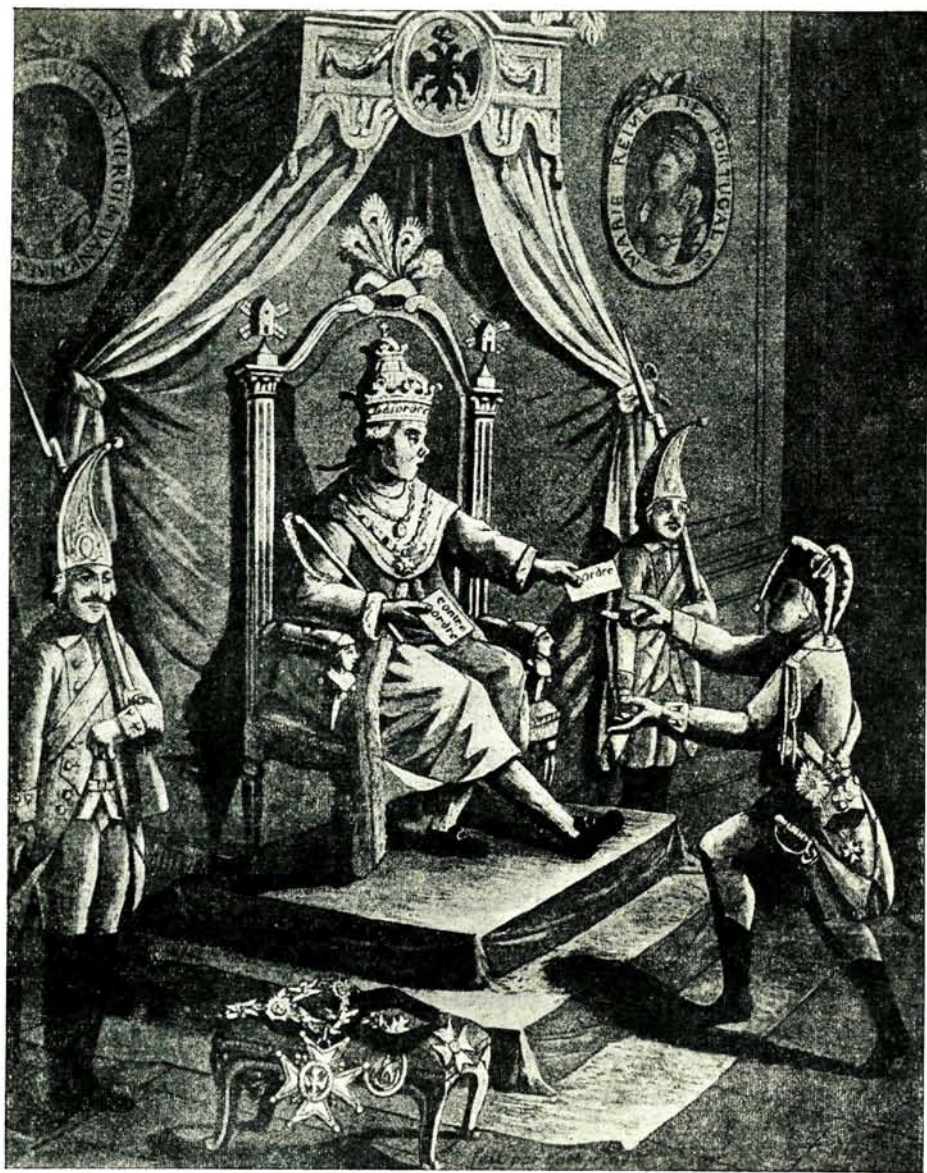
А ночуй, где день, где ночь
Заваясь в кабак, за бочку,
Или в поле на лугу
Гни то полоз, то дугу.
А квартиришку нанять—
Негде денежки достать.
Носи лапти босичищем,
Будь покорен и всем нищим...
Вот награда вся за службу!
Воешь волком и за нужду!

21

Полно я уже заврался,
До всей тонкости добрался.
Здесь на правду ведь не мода:
Сгонять к Волкову в полгода,
А случится и в неделю—
Постелят вечну постелю.
Не по шерсти кто погладит,
То на шею сесть и ладит
И в уме только и есть,
Как его ему бы съесть.

22

Я видал многи примеры,
Каковы сии химеры:
Они с вида будто гурии,
А по внутренности фурии.
Когда взглянешь—они милы,

ФРАНЦУЗСКАЯ КАРИКАТУРА НА ПАВЛА I, ИЗДАННАЯ В 1799 ГОДУ, ВО ВРЕМЯ ПОХОДА
СУВОРОВА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

На карикатуре изображен Павел, дающий Суворову распоряжение с подписями „ordre“ и „contre-ordre“ („приказ“ и „отмена приказа“)

К картинке приложены французские стихи:

„Qu'il est beau de Régner! On peut à tout moment
Donner *Ordre* et *Contre-ordre* et même impunément,
En mettent le *Desordre*, exiger la victoire:
Oublier Souworow, ses Talents et sa gloire“

(Перевод:

„Как хорошо властвовать! Можно в любую минуту отдать приказ, отменить приказ и даже можно безнаказано, внося беспорядок в дело, требовать побед и забыть при этом Суворова, его дарование и славу“)

Но в поступках крокодилы.
Вид имеют человека,
Но в них жалости от века
Не бывало никогда
И все злятся навсегда.

23

Говорят: людей не бьешь—
И пути в них не найдешь.
Они плуты, воры, пьяницы—
Сами не прольют и скляницы,
Пропивают насквозь ночи
И так выбьются из мочи,
Перепьются все до драки
И карячутся как раки...
А поутру скажет: болен—
И от всех он дел уволен.

24

Нет, спина моя твердит,
Перестать молоть велит,
Говорит: хозяин, полно,
А то будет заду больно.
Как узнает капитан,
То сдерет родной кафтан.
Я совет спины уважу:
Себя больше не отважу,
Хоть немного и испорчу,
Но на сем я кончу.

Стихотворение печатается с рукописи Государственной Публичной Библиотеки: «Магазин А. Т. Болотова», ч. II, с исправлениями по другому списку—там же, в сборнике Q XVII, № 183/3; здесь оно подписано: Василий Макаров и датировано 1802 г. (ср. текст у А. Е. Бурцева «Обстоятельное описание редких и замечательных книг», т. IV, 1901 г.)³⁴.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Статья «Театр» в журнале «Зритель», июнь 1792 г., стр. 131. См. также в «Сочинениях» Плавильщикова, т. IV, 1816, стр. 31.

² Граф идеализировал «доброе старое время» без достаточных оснований.

³ «Арх. кн. Воронцова», кн. X, 1876, стр. 472—473. Ср. в переводе то же в «Русском Архиве» 1876 г., т. III. Я даю мой перевод.

⁴ «Русский Архив» 1879, т. I, стр. 360.

⁵ «Русская армия в год смерти Екатерины II». «Русская Старина», т. 83, 1895, апрель, стр. 154.

⁶ Ср. А. Петрушевский, Генералисимус князь Суворов. 1900, стр. 285 и 445.

⁷ Укажу например дела канцелярии таврического губернатора—№ 23 «О пойманных из бегов... воинских служителях» (1785 г.), № 77—«по рапорту таврич. легкоконного полку бригадира фон Шица о сыске и поимке бежавших из одного полку нижних чинов и рядовых по всей здешней области местам о учинении публикации» (1787, здесь речь идет о множестве дезертиров), № 38—о вернувшихся беглых (1786). Ср. также документ, напечатанный у Н. Дубровина «Присоединение Крыма к России», т. III, 1887, СПб., стр. 29, и амнистию дезертирам в манифесте о мире с Турцией 1775 г.—Полн. собр. зак. I, т. XX, стр. 83, № 14274 и извещение об

этом манифесте в журнале «Зритель Света» 1775, сентябрь, стр. 13. Ср. также сведения о дезертирстве в книжке А. Г. Завадовского «Сто лет Тавриды», Симферополь, 1885, стр. 116. В том же 1792 г., когда печаталась цитированная выше работа Плавильщикова, ему ответил по вопросу о дезертирах некий критик, повидимому человек независимых суждений. Он писал: «Вы сами непрочь от романов (т. е. измышлений.—Гр. Г.), когда уверяете нас, как будто китайцов, что в России не слышать про беглого солдата. Или нельзя хвалить свое отечество, не соплетая чудес в его славу? Скоро вы станете божиться, что в целой России нет ни плутов, ни дураков» (письмо к издателям «Зрителя», 1792, сентябрь, стр. 12). В ответе на критику анонима Плавильщиков попытался вывернуться при помощи передержки; он говорит: «В отметке же вашей (т. е. в примечании.—Гр. Г.) написано о солдате то, что я сказал об офицере, следовательно я пропускаю ее» (ib., стр. 49). Однако же нельзя не заметить, что дезертировали из русской армии не только солдаты, но и офицеры—конечно по другим причинам, чем солдаты. Материалы о дезертирах-дворянах-офицерах см. например в «Русской Старине», т. 83, 1897, стр. 132 («Дворянин-дезертир»), «Русская Старина», т. 66, 1890, стр. 137—138 («Беглецы в царствование имп. Павла в 1800 г.»), «Арх. кн. Воронцова», т. XIV, 1879, стр. 507.

⁸ Diaries and correspondance of James Harris, first Earl of Malmesbury; vol. I, London, 1844, стр. 214—215 и «Русский Архив» 1874, кн. I, стр. 1465—1512 (лорд Малмзбюри о России в царствование Екатерины II).

⁹ «Русская Старина», т. 15, 1876, кн. I, стр. 23.

¹⁰ «Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789... Traduit du Hollandais, avec une augmentation considérable par le citoyen Chantreau». Tome I. P., 1794, p. 206.

¹¹ «Петербург при имп. Павле Петровиче; из рукописи Генриха Реймерса, 1801». «Русская Старина», т. 39, 1883, кн. III, стр. 445—448. Следует отметить, что Реймерс, панегирист Павла I, был пристрастен по отношению к порядкам, установленным правительством его предшественницы.

¹² Указ. соч. «Русская Старина» 1895, апрель, стр. 150 и 165, март, стр. 150, май, стр. 197.

¹³ «Voyage philosophique»... etc. T. I. P., 1794, p. 217.

¹⁴ А. Т. Болотов, Памятник протекших времен. М., 1875, ч. II, стр. 48—49.

¹⁵ Там же, стр. 125. Ср. также стр. 56—57. Характерный факт: Потемкин подарил принцу Нассау-Зигену пустопорожные земли в Крыму и на Украине и обещал ему нарядить солдат для обработки этих земель. См. В. А. Бильбасов, Исторические монографии, т. IV, 1901, стр. 532.

¹⁶ О том же в сущности пишет и вовсе беспристрастный свидетель—австрийский император Иосиф II, путешествовавший в 1787 г. по Новороссии и Крыму вместе с Екатериной, в письме к гр. Ласси от 1 июня. «Русский Архив» 1880, т. I, стр. 356—372. Ср. также его письмо от 5 июня (там же). В Симферопольском архиве есть материалы о солдатах, работавших на строительных работах в Симферополе (дела канц. таврич. губернатора; архивный номер 184). Ср. также показание князя де Линь (В. А. Бильбасов, Исторические монографии, т. IV, 1901, стр. 442).

¹⁷ Joachim Graf von Sternberg. Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht im Jahre 1792 und 1793. 2, 179, S. 78.

¹⁸ Указ. соч. «Русская Старина», 1895, март, стр. 149.

¹⁹ Там же, апрель, стр. 154.

²⁰ «Из бумаг Диканьского архива кн. Кочубея». «Русский Архив» 1876, стр. 1438—1439.

²¹ См. А. Петрушевский. Указ. соч., стр. 287 и сл.

²² Указ. соч. «Русская Старина» 1895, май, стр. 197—198.

²³ «Русская Старина», т. 53, 1887, т. I, стр. 337.

²⁴ В сборнике Потемкинских бумаг мы найдем единичные акты, демонстрирующие заботы «светлейшего» об армии: то это выговоры военным начальникам за обилие больных солдат в их частях, то приказ о наказаниях группы офицеров, провинившихся жестоким обращением с солдатами или спекуляцией на солдатском провианте. А что делали в окружении Потемкина? Что делал он сам? (См. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Тавричского, т. I. 1774—1788 гг.—Н. Ф. Дубровина. СПб., 1893, стр. 187, 214—215, 282.

²⁵ Привожу только лишь несколько вариантов, наиболее существенных по смыслу. Стих 6 «... тому следует пункты ниже» (А). Пункт 1 ст. 2—«почто яблоко дала ему» (А. Г.) или «... почто совет дала ему» (Б.) или «почто соблазнила е[му]го» (В).

П. 3 ст. 2—«по Каине и ближним...» (А. Г.—без «и»). Пункт 4—помета: «Служивые» (А. Б. В.) или «служащие» (Г.). Пункт 7—помета «Камераты» (Г.). П. 12 ст. 2: «Всему он научился: класть навоз в кизяк» (В.) или «Почему ж он нам велел класть навоз в кизяк» (Г.). Пункт 13—помета «Рая» (В.). Ст. 5 «Теперь служить нет сил, божков земных много» (А.) или «... панков у нас много» (Г.). П. 14 ст. 1 «панков» (Г.). Последний стих: «повели дух взять в Россию, а из Кыму изведи» (А.).

²⁶ Ордер Потемкина Черткову от 24 августа 1776 г. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. Н. Ф. Дубровин, Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического, 1774—1788. СПб., 1893, стр. 90—91. См. также письмо Н. И. Панина к П. В. Бакунину от 13/V 1776. «Арх. кн. Воронцова», т. XXVI, 1882, стр. 160.

²⁷ Н. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. I. СПб., 1885, стр. 11.

²⁸ Там же, т. I, стр. 85. Позднее, в 1783 г., из тех же повидимому двух гарнизонных баталионов, находившихся в Керчи и Еникале, составил пехотный полк под названием Таврического. См. рескрипт Екатерины к Потемкину от 12 июня 1783 г. в Сборнике военно-историч. мат. Вып. VI. Н. Дубровин, Бумаги Потемкина. 1774—1788, стр. 114.

²⁹ Н. Дубровин, Присоединение Крыма к России, т. I, стр. 585 и 589.

³⁰ Драбантами названы солдаты в четырех списках «Челобитной».

³¹ В списке, бывшем в руках А. Д. Седельникова, к тексту стихотворения приложена небольшая интермедия на сходную тему, но повидимому несколько иного происхождения, иного литературного типа. В публикации А. Д. Седельникова эта интермедия дана в виде заключения прошения в небесную канцелярию, что искажает текст обоих контаминированных произведений.

³² См. ст. 5—«Праведному законному суду вносимы бедных слезы»; ст. 9—10—«Видно нет надежды ожидать желаемого решения, вознамерились отдать всему миру в рассмотрение»; ст. 192—«Милостивой конфирмации ожидаем» и др.

³³ Если не считать его как бы свидетельским показанием на всенародном суде, что может быть следует из стихов 10—12; если же мы сочтем его перефразировкой официальной формулы показания, тем самым мы находим новое сближение его с «Солдатской челобитной».

³⁴ Текст приложения подготовлен к печати В. Н. Орловым.